

# Железная Маска

Триллер в век мушкетеров

# **Эдвард Станиславович Радзинский**

## **Триллер в век мушкетеров. Железная маска**

*Текст предоставлен правообладателем.*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=4940013](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4940013)*

*Радзинский Э.С. Триллер в век мушкетеров. Железная маска: Астрель; Москва; 2012  
ISBN 978-5-271-45731-9*

### **Аннотация**

Это был век, когда во Францию пришли деньги. Когда храбрость и верность начинают уступать богатству. Первые олигархи в истории – это кардинал и министр финансов Фуке, который так и не понял, что такое власть короля. Это был век куртизанок, когда понятие добродетели начинает исчезать. Век салонов, где правили женщины, и век до сих пор не раскрытых тайн. Одна из которых – тайна Железной Маски... Ответ на историческую загадку будет совершенно неожиданным.

## Содержание

|                                      |    |
|--------------------------------------|----|
| Глава первая                         | 4  |
| Париж                                | 4  |
| Загадочный господин                  | 6  |
| В гостях у месье Антуана             | 8  |
| И я... увидел!                       | 9  |
| Галантный век                        | 10 |
| Бессмертный                          | 12 |
| «Запрещено все, кроме наслаждения»   | 15 |
| Пиковая дама                         | 19 |
| Феи Оленьего парка                   | 21 |
| Интрига в Галантном веке             | 24 |
| Казанова                             | 25 |
| Железная Маска. Вступление к тайне   | 27 |
| Мушкетер Сен-Мар                     | 30 |
| Граф Сен-Жермен: путешествия по миру | 32 |
| Последняя из рода Романовых          | 35 |
| Предсказания                         | 38 |
| Встречи после смерти                 | 41 |
| «И вот вы дождались страшных дней»   | 43 |
| Конец ознакомительного фрагмента.    | 47 |

# Эдвард Радзинский

## Триллер в век мушкетеров

### Железная маска

#### Глава первая

#### Граф Сен-Жермен

#### Париж

*Мой отец жил в Париже, никогда там не побывав. Он был галломан в СССР – галломан из страны за железным занавесом... Отец жил в сталинской Москве, в окружении старых французских книг, купленных в букинистических магазинах. В новой России рабочих и крестьян, поголовно не знавших французского, за бесценок продавались французские книги времен Людовиков и Империй – эти уцелевшие остатки дворянских библиотек. Париж для отца не был городом. Это была мечта. Мечта о свободе в стране рабов и еще о том, что когда-нибудь я увижу недостижимый Париж.*

*Он умер, так и не побывав в Париже, который часто видел в снах. В этих снах он сидел в парижском кафе с чашечкой кофе и писал рассказ.*

Впервые я приехал в Париж в начале 80-х...

Был жаркий майский день. Я сидел в парижском кафе, на столе стояла чашечка кофе, передо мной лежал отцовский «Путеводитель по Парижу», изданный в 1900 году во время Всемирной выставки. И я сочинял рассказ.

Но ничего не приходило в голову, парижский рассказ не получался. Между тем наступил полдень, и на лице официанта читался вопрос, когда же я покину кафе и уступлю свое место с несерьезной чашечкой кофе посетителям серьезным, пришедшим на священное для француза полуденное «манже». «Манже», без которого истинный француз не только не может жить – умереть не может. В дни революции даже беспощадные революционеры разрешали приговоренным аристократам хорошо отобедать перед путешествием на гильотину. Из окна кафе на другой стороне Сены я видел замок Консьержери, откуда и везли на гильотину этих насытившихся французов... Официант продолжал мрачно смотреть. Я решил потропиться и, на худой конец, записать в кафе хотя бы чужой рассказ, который услышал от знаменитого итальянского сценариста. Ему и нескольким его коллегам предстояло написать любовные истории протяженностью не более 10 секунд экранного времени! Эти новеллы должны были составить фильм о ЛЮБВИ.

И вот что он сочинил.

Действие происходило в квартире. У телефона сидела прелестная женщина. Перед ней стоял телевизор. На экране готовилась к старту космическая ракета. Голос отсчитывал последние 10 секунд перед стартом. Красавица внимательно глядела в телевизор и одновременно набирала номер.

– 10... 9... – отсчитывал секунды голос по телевизору. – 8... 7... 6... – Она набирала очередные цифры.

– 5... 4... 3... 2... 1... Старт! – раздалось в телевизоре.

– Алло! – сказал в трубке мужской голос.

– Он уехал! – радостно сообщила она.



## Загадочный господин

Я закончил записывать чужую выдумку, когда сзади раздался голос, сказавший по-русски:

– Это не просто ловкая выдумка. Это притча о жалкой любви в жалком веке. Десяти секунд и вправду достаточно для ее описания.

Я обернулся. Он сидел за соседним столиком и улыбался.

Он был в великолепном белом чесучовом костюме, в широкой соломенной шляпе, из-под которой торчали черные усы, длинный зигзагообразный нос и впалые, вдавленные щеки... И весь он был какой-то изогнутый, узкий, ненадежный. Несмотря на жару, он был в белых перчатках.

Я хотел ему ответить, но не успел, ибо в тот же момент он... исчез! Остались только руки в перчатках. Это не самая обычная картина, когда из пустоты торчит парочка белых перчаток. Но я не успел поразиться, ибо в следующее мгновение он преспокойно восседал передо мной на стуле.

– Нет-нет, – засмеялся он, – здесь нет ничего сверхъестественного. Это всего лишь фокус, которым в любимом мной Галантном веке сводил с ума парижан граф Сен-Жермен. Вас явно тревожат мои перчатки. Я, видите ли, участвовал в раскопках Вавилона. Этого делать было не надо. Как всем нам известно из Библии, Вавилон был проклят Господом. «Не заселится никогда, и в роды родов не будет жителей в нем... Но будут обитать в нем звери пустыни... Шакалы будут выть в чертогах их, и гиены – в увеселительных домах... И сделаю его болотом... – сказал Бог Саваоф». Когда я впервые приехал, – как-то странно словоохотливо продолжил он, – увидел поразительную точность предсказанного. Передо мной лежали уродливые холмы, болото и пустыня, и под ними прятался проклятый город. Там не росла даже трава. Только тростниковые топи, источавшие лихорадку. Но я получил разрешение и начал копать.

Его рассказ показался мне куда более странным, чем его перчатки. Последние раскопки в Вавилоне, как я смутно помнил, проводились в самом начале двадцатого века.

Но он продолжал читать мысли. Усмехнувшись, сказал:

– И вправду. В отличие от иных знаменательных мест Ирака, где каждый год идут раскопки, на месте Вавилона с 1918 года *официально никто* не копал. И правительство уклоняется давать разрешение. Там не бывает даже туристов. Однако легко предположить, что за большие деньги я получил разрешение и начал копать в проклятом месте.

– Так вот в чем дело, – успокоился я.

И незнакомец, всё читая мои мысли, одобрительно-насмешливо кивнул:

– Я рад, что вам все стало понятнее. Копать там необычайно трудно. Приходилось платить рабочим бешеные деньги: люди панически боятся этих мест. Я намеревался отрыть древнейшую часть Вавилона. Это город правителя Хаммурапи, существовавший за полтысячи лет до Моисея. Но оказалось, он лежит под стометровым слоем ила. Тогда я решился копать на месте города Навуходоносора. Но и он укрыт тридцатиметровым слоем собственных камней и черепков. В этот мусор превратились знаменитые башни, колонны, висячие сады... Но все-таки кое-что удалось. Откопали замечательную стелу, покрытую клинописью. Конечно же я торопился прочесть... Камень расчищали всю ночь. К рассвету я нежно гладил руками каменные письма проклятого Господом города. Я чувствовал плотский, страстный ропот времени. Но уже к вечеру руки горели. Я подхватил инфекцию, совершенно обезобразившую их... Будьте осторожны с подобными местами. Однако мне пора.

Он только взглянул в сторону официанта, как тот опрометью бросился к нему. Я увидел, как в белых перчатках появилась серьезная купюра и улеглась на столик:

– Благодарю, мой друг. Сдачи не надо. – И, поднимаясь с места, сказал мне: – Надеюсь, мы вскоре продолжим нашу беседу. – И протянул рукой в перчатке визитную карточку.

На визитке я прочел:

– Антуан де Сен-Жермен.

И телефон.

Он засмеялся:

– Это псевдоним всего лишь. Когда-то я снимал квартиру в квартале Сен-Жермен. Но ныне обитаю в Латинском квартале, в двух шагах от мастерской Делакура. Позвоните мне, коли будет настроение. Буду рад. Вы, как я понял, писатель, весьма увлеченный Историей. Только такой человек может с упоением листать столетней давности путеводитель, быть осведомленным о раскопках в Вавилоне и пытаться сочинять в кафе, водрузив на столик *компьютер*. Но остерегайтесь, мой друг, носить обе эти вещи в одной сумке. Поверьте, они ненавидят друг друга – великолепный, переживший столько приключений путеводитель и ненадежное, ломкое дитя прогресса.

Я с наслаждением слушал звуки его речи. Той русской речи, которая сохранилась в семьях эмигрантов первой волны. Их язык, избежавший издевательств новояза революции, хранит умолкнувший голос нашей погибшей Атлантиды.

В ту первую встречу я не сомневался: он русский.

В кафе вошел какой-то безликий, странно бледный молодой человек. Прощально помавав мне рукой, господин Антуан Сен-Жермен вышел вместе с ним из кафе. Я увидел в окно, как этот молодой человек, видимо его шофер, распахнул перед ним дверцу автомобиля.

## В гостях у месье Антуана

На следующий день я позвонил ему, но никто не ответил. Всю неделю я тщетно пытался дозвониться. Телефон, указанный на визитной карточке, молчал. Лишь в воскресенье я услышал голос месье Антуана. Безо всяких вступлений он пригласил меня к себе.

Он жил в доме на моей любимой площади. Это крохотная площадь Фюрстенберг, затеявшаяся в улочках Латинского квартала. Вся площадь – маленький асфальтовый круг, на котором разместились старинные фонари, церемонно окруженные деревьями. На это царство гармонии глядят окна мастерской Делакруа. Мой странный знакомец жил в доме рядом с мастерской.

Мне открыл дверь все тот же безликий молодой человек. Молча повел в глубь квартиры. Это была неправдоподобная квартира... Мы шли через бесконечную анфиладу комнат, заставленных старинной мебелью. Портьеры на окнах были задернуты, горели свечи в бронзовых канделябрах, мерцали зеркала и золотые рамы картин.

Пришли в большую залу. В центре стоял великолепный стол черного дерева с ножками – резными головами атлантов.

Стол стоял на фоне огромного окна. Он как бы плыл над площадью, освещенной заходящим октябрьским солнцем.

В дальнем углу залы притаился клавесин, который я не сразу заметил, пораженный великолепием стола. На стене, справа от стола, висел портрет в массивной золотой раме.

На портрете был изображен красавец мужчина в камзоле и парике. С лицом насмешливым, гордым... и знакомым.

Месье Антуан стоял у стола, поглаживая позолоченную голову атланта... На этот раз он был в черном смокинге и в черных перчатках.

Церемонно поздоровавшись, начал говорить:

– Этот стол сделан по личному заказу «Короля-солнце» в знаменитой «Мануфактуре королевской мебелировки». Что же касается портрета, он вас заинтересовал не зря. Портрет этот написан при жизни фантастического господина, на нем изображенного... накануне его официальной смерти. Обратите внимание на необычайно широкий лоб, говорящий об опасном разуме. Его крупный нос весьма напоминает нос Гёте. В подобном носе знаменитый физиономист Лафатер увидел великую способность творить. Чуть выпяченная губа господина повествует о сластолюбии и похоти, побежденных, однако, неукротимой волею. Он выглядит на портрете от силы сорокалетним, не правда ли? Хотя, по его собственным словам, ему в это время было 88 лет... Впрочем, ни дата рождения, ни дата его истинной смерти неизвестны. Неужто не поняли, о ком речь? Это тот, чьим именем я позволил себе украсить мою визитную карточку. Это – граф Сен-Жермен.



## И я... увидел!

Надо сказать, я был взволнован. Меня давно занимал этот неправдоподобный господин. Все последнее время я писал биографию Екатерины Великой. По одной из версий, сей фантастический граф в 1761–1762 годах находился в России и тайно участвовал в свержении несчастного Петра III.

Я не успел подумать (так будет всегда в наших беседах), как месье Антуан уже говорил:

– Именно! Именно! И тогда они впервые встретились, граф Сен-Жермен и граф Алексей Орлов. Потом была вторая встреча, в Италии. В ту вторую встречу граф Сен-Жермен участвовал в знаменитом Чесменском бою под именем генерала Салтыкова. Как он сам рассказывал, это имя он выбрал из уважения к князю Сергею Салтыкову, любовнику Екатерины и отцу вашего императора Павла.

– Насчет отца Павла у меня иная теория, – начал я.

– Ну какие тут могут быть «иные теории», – прервал месье Антуан. – Никаких «иных» быть не может. – И тут лицо месье Антуана странно покраснело, точнее, налилось кровью. За наши два дня общения я видел это его состояние много раз. Но в тот, первый, я очень испугался, мне показалось, что с ним случился припадок!

Он шептал:

– Никаких иных теорий быть не может... Охота... Все у них случилось тогда... В тот день они отстали от охотников...

И, клянусь, я... *увидел!!!* ...Длинный тоннель. Тоннель как-то воровски мелькнул передо мною... пропал. И уже из тьмы исчезнувшего тоннеля навстречу мне скакали двое всадников. И тотчас исчезли. Как бывает, когда теряешь сознание... Я летел... во тьму. И слышал... слышал монотонный голос месье Антуана:

– Он и она... вы их не видите... они отстали от охотников, они на лошадях... Остановились у старого охотничьего домика... Он наклонился к ней с седла... и обнял за талию... Она не противится, но задрожала. А он, уже лаская губами ее ушко, нашептывает картины счастья и как сделать тайной счастье, которым они смогут безопасно наслаждаться... уже сейчас! Он вынимает ключ от домика!.. И она глядит на ключ... и!!!

Я видел вновь лицо месье Антуана, оно придвинулось совсем близко: тяжелые веки и ледяные глаза без ресниц. И опять зашептал его голос:

– Она напишет впоследствии в «Записках»: «В ответ я не проронила ни слова...» Подобное молчание на языке Галантного века считалось *зовом!* Он немедленно воспользовался ПРИЗЫВНЫМ молчанием... Пропустив восхитительную станцию «Изнурительной Нежности», он поторопился в «Приют Наслаждения»... Они вошли в домик! «Случившееся»... эти полтора часа счастья... остались ясным намеком в ее «Записках»: «*Часа через полтора* я сказала ему, чтобы он ехал прочь, потому что наш... *такой* долгий разговор может стать подозрительным. Он возразил, что не уедет, пока я не скажу – «люблю». Я ответила: «Да, да, но только уберите». Он прищипорил лошадь; а я крикнула ему вслед: «Нет, нет!..»

(Впоследствии я отыскал этот эпизод в «Записках» Екатерины Великой. Оказалось, месье Антуан цитировал почти слово в слово.)

## Галантный век

Месье Антуан замолчал, будто пытаясь прийти в себя. Пришел в себя и я.

Он продолжил совсем спокойно:

– Однако мы заговорили о графе Алексее Орлове. У него было великолепное лицо с медальными чертами, восхитительно изуродованное глубоким шрамом. Это был век, когда шрамы, добытые в сражениях, драках и дуэлях, прельщали женщин. Люди в том веке умирали от ран куда чаще, чем от жалкой старости. Последний век, когда побеждали личным мужеством.

*«Чтобы получить все, нужно рискнуть всем»* – любимый лозунг века.

Короток был путь из хижин во дворцы, а из дворцов на эшафот – еще короче. Я очень люблю *наблюдать* эту сценку. Ваш русский канцлер старик Остерман, приговоренный к казни, равнодушно поднялся на эшафот. Он преспокойно снял парик и как-то аккуратно, удобно уложил голову на плаху. Будучи помилован, так же преспокойно встал, попросил вернуть парик, расправил на нем волосы, надел его и отправился в ссылку в Сибирь.

Уолтер Рейли, любовник великой английской королевы Елизаветы, поэт, пират, ученый и, возможно, истинный автор шекспировских пьес, на седьмом десятке приговоренный к казни, насмешливо сообщал другу: «Только приезжай пораньше, коли хочешь занять хорошее место у моего эшафота, народу будет много. Мне же там обеспечено лучшее место». И когда палач попросил положить голову «как принято, лицом к востоку», он успел презрительно пошутить: «Неважно, мой друг, где находится голова, главное, чтобы сердце находилось на нужном месте».

Но мой фаворит, мой любимый век – восемнадцатый! Предыдущий, семнадцатый, варварски заковал прекрасных дам в броню негнувшейся одежды. Длиннющие юбки посмели совершенно закрыть прелестные женские ножки. Но восемнадцатый сумел открыть их! И как лукаво, мой друг! Век изобрел качели. Кавалер раскачивал качели, и юбка улетала вверх, щедро обнажая восхитительные ножки. И, наконец, танцы! Они – главная любовь века. Граф Сен-Жермен сочинил популярнейшие танцы. Его аллеманду обожали в маскарадах... В аллеманде *он* и *она* должны так тесно прижаться друг к другу, что не оставалось сомнений в событиях, последующих после танца. Главной фальшью этого танцующего Века Любви был только брак. Граф Сен-Жермен рос сиротой и оттого избежал лжи тогдашнего брака. Ибо браком в ту пору управляли родители. Эти гнусные существа были обязаны думать о выгоде – финансовой или о престиже родословной. И к несчастной девушке, только что вышедшей из монастыря, приводили незнакомого мужчину. В присутствии нотариуса бедняжке объявляли, что сей незнакомец знатного рода и есть ее будущий муж. Дальше свадьба и ночь, когда ей приходилось отдаваться совершенно чужому человеку. В эту первую ночь жених фактически насиловал испуганную, не любящую его девушку... Свершив необходимое, он гордо вставал с постели в поту, она оставалась лежать в слезах. С этого начинался брак и тогда же заканчивался. Как сказал принц Лозен своей юной жене: «Дорогая, мы выполнили наши обязанности и впредь не будем мешать друг другу!» Теперь она мечтает о подлинной любви, о которой читала во всех романах. Молодой муж отдает дань главной моде – он приступает к охоте на женщин, влюбляясь в новых и новых. Единственная, к кому он останется равнодушным до смерти, – это его жена. От нее требуется только наследник. Родив, то есть исполнив долг, она вслед за супругом с упоением вступала в любовную круговерть, где все мужчины хотели соблазнить и все женщины – быть соблазненными...

Как это ни смешно, счастливыми оказывались браки со стариками. Впрочем, Галантный век отменил возраст. В дни этого пламенного века стариков не было, все до могилы оставались молодыми. Конечно, помогали парики, румяна, кружева, роскошь туалетов! Но глав-

ное было в вечно молодом мироощущении! Бабушка Жорж Санд объясняла своей внучке: «Старость в мир принесла Революция. В мои дни я попросту не встречала стариков. Мой муж – ему было 62 года, мне чуть за двадцать, – он до последнего дня следил за внешностью, был красив, нежен, спокоен, весел, любезен, грациозен и всегда надушен. Я радовалась его возрасту. Я не была бы с ним так счастлива, будь он молод. Ведь женщины красивее меня наверняка разлучали бы его со мной. Теперь же он был только мой! Я убеждена, что мне достался лучший период его жизни. Мы не расставались ни на минуту, но я никогда не скучала с ним. Природа дала ему множество талантов. Мы играли дуэтом на лютне. Он был не только превосходным музыкантом, но, как часто бывало в нашем веке, художником, слесарем, часовщиком, плотником, поваром и архитектором. Но главное – великолепным любовником. Он страстно, с фантазиями большого опыта, любил мое молодое тело. И еще. Он и его сверстники знали не только как надо жить, но и как надо умирать. И если у кого-то была подагра, они терпели любую боль, но никогда не пропускали прогулку с любимой. Воспитанные люди в мое время были обязаны скрывать свои страдания. В любой игре они умели достойно проигрывать. Они считали, что лучше умереть, танцуя на *балу*, чем дома в окружении зажженных свечей и отвратительных людей в черных одеждах. Мой муж до конца умело наслаждался жизнью. Но когда пришло время с ней расставаться, последние его слова были: «Живите долго, моя дорогая, любите много и будьте счастливы». – Месье Антуан усмехнулся. – И потому разрушенная Бастилия – рубеж моей любви к человечеству. Дальше начинается время кровавых и, главное, скучных фанатиков. Унылый очкастый Робеспьер в неумело напудренном парике, над ним всегда висел белый нимб от пудры. Или толстый пьяница Дантон, ревущий проклятья аристократам, от него всегда несло потом... Или парализованный урод – революционный судья Кутон... Утром этот плевок природы сносили по лестнице, сажали в кресло, двигавшееся при помощи рычагов. Передвигая рычаги, он яростно мчал свое жалкое тело в испуганной толпе. Спешил судить, точнее, осудить на смерть врагов Революции... Да, Революция покончила с Любовью и Гармонией, принесла символическую жертву – Королеву Галантности, Женщину с лазоревыми глазами, Марию-Антуанетту. – Здесь месье Антуан наконец остановился и сказал: – Простите за этот монолог, в нем есть самое мне ненавистное – патетика. Но Мария-Антуанетта была безответной любовью... – Он помолчал и прибавил: – ...самого таинственного человека в мире – графа Сен-Жермена.

С месье Антуаном было невозможно беседовать. Он говорил бесконечными монологами, совершенно не слушая собеседника. И глаза его при этом смотрели куда-то вверх, выше вас. Когда он наконец замечал вас, в его глазах появлялось безмерное удивление: «Как, вы тут? А я о вас, признаться, несколько позабыл».

Но тогда я решительно вырвался из потока его слов. Я сказал:

– Послушайте, неужели вы всерьез? Вы верите во все эти сказки про графа Сен-Жермена? По мнению всех почтенных энциклопедий, граф Сен-Жермен был всего лишь великим надувателем, одним из вождей золотого века авантюристов.

Месье Антуан долго молчал, потом сказал:

– Люди не могут вынести бремени Тайны. У нее нестерпимый свет. Запомните: граф Сен-Жермен – единственный человек на земле после Господа... чье присутствие после смерти зафиксировано множеством источников.

## Бессмертный

*Вы слышали о графе Сен-Жермене, о котором рассказывают так много чудесного?*

*А.С. Пушкин «Пиковая дама»*

– Наполеон III был зачарован, заинтригован всем *чудесным*, что слышал о графе Сен-Жермене. Он поручил своему библиотекарю купить все подлинные документы, повествующие о жизни Сен-Жермена, – начал месье Антуан свой очередной монолог. – Так появилась огромная папка, содержащая большое количество документов. Это были воспоминания современников (в большинстве это были дамы, любившие графа). После падения императора драгоценную папку передали на хранение в библиотеку префектуры полиции. Во время Парижской коммуны, как и положено в революцию, префектуру подожгли, и папка считалась сгоревшей. Но, как справедливо утверждал ваш писатель, такие рукописи не горят. Оказалось, во время пожара объемистую папку попросту украли. *В 1979 году* ваш покорный слуга и верный почитатель графа купил ее у потомка того вора-коммунара.

Как я уже говорил, в папке оказались воспоминания современников и единственная рукопись, написанная каллиграфическим почерком графа, – двести страниц его переводов Данте и Горация на немецкий и французский. Но я хорошо изучил привычки графа Сен-Жермена. Я обработал первую страницу особым раствором из сока лука и медного купороса. Потом легонько нагрел страницу пламенем свечи... И синие буквы симпатических чернил начали проступать между строками.

Это были секретные «Записки графа Сен-Жермена»! Начинались они с обращения к будущему читателю... 1979 года! Да, там стояла эта дата! И «покорнейшая просьба прочесть «Записки», но не публиковать». К сожалению, в этих «Записках» весьма уклончиво рассказано о том, что и поныне является предметом споров историков, – о загадочном происхождении графа.

Граф называет себя сыном князя Ференца Ракоши, повелителя Трансильвании, – и всё... Между тем об этом князе и, главное, о матери графа ходит до сих пор множество легенд. Расскажу, пожалуй, самую известную. Князь Ракоши, как истинный мадьяр, называл всех женщин «отдыхом воина». Он считал, что настоящая жена должна обладать тремя качествами: быть красавицей, быть послушной и быть молчаливой. Он нашел такую женщину – дочь родовитейшего польского графа 3-ого. Она была сказочно хороша, совершенно послушна и удивительно молчалива. Она родила ему очаровательного мальчика, унаследовавшего ее красоту. Я не буду рассказывать подробно всю историю. Скажу лишь кратко, что через некоторое время после рождения ребенка стали находить молодых княжеских слуг со следами зубов на горле и высосанной кровью. Князь всегда плохо спал. Поэтому перед сном заботливая жена обычно готовила ему на ночь напиток из трав по своему рецепту. После него князь засыпал глубоким сном младенца и просыпался совершенно отдохнувшим, полным сил. Но убитые слуги беспокоили князя. Далее вы догадались... Однажды князь заменил приготовленное женой питье. Он бодрствовал рядом с женой, изображая спящего. Посреди ночи его жена покинула ложе. Князь последовал за ней. Он застал ее в парке. Его любимый слуга... До смерти князь помнил искаженное похотью запрокинутое лицо жены. Потом сверкающие глаза приблизились к глазам несчастного слуги, она засмеялась, ее зубы вонзились в шею. Ангел превратился в сладострастную ведьму... Князь убил обоих. Разжав кинжалом ее стиснутый рот, увидел два аккуратненьких маленьких клыка и понял причину удивительной молчаливости. Князь сам похоронил ее со всеми обрядами. Вбил, как положено, иудино дерево – осиновый кол в ее могилу. Чтобы вампирша не смогла воскреснуть. Думаю,

это не более чем безвкусная готическая легенда. В «Записках» лишь говорится, что мать Сен-Жермена, первая жена князя Ракоши, умерла совсем молодой. Тотчас после внезапной смерти жены князь отчего-то не захотел, чтобы их сын жил с ним, в его дворце. Он отдал мальчика на попечение своему другу, последнему из герцогов Медичи. «Записки» очень скупо рассказывают подробности его детства. Граф пишет, что его отец, князь Ракоши, всю жизнь боролся за независимость своего княжества. В конце концов (это случилось уже после смерти матери графа) князь проиграл решающую битву, австрийцы захватили его владения. Князь не выдержал горечи поражений и вскоре умер. После смерти отца юный Сен-Жермен воспитывался у герцога Медичи, который дал ему великолепное образование... Интересно, что граф Сен-Жермен никогда не называл себя князем Ракоши. Став масоном, он часто именовал себя Sanctus Germano – Святой Брат. И постепенно стал представляться этим именем. Впрочем, как положено в том веке, у него было еще с десятков имен, под которыми он путешествовал. Точнее, жил в дороге, ибо путешествовал граф всю свою жизнь. И повсюду обходился без переводчика. Как и ваш покорный слуга, граф знал множество языков, в том числе несколько исчезнувших. К примеру, язык древнего Вавилона. В двадцать лет он предпринял далекое и долгое путешествие. Он отправился в Персию, жил при дворе Надир-шаха, и это рассказано в «Записках», потом была Индия, затем – два с половиной года в Гималаях, оттуда направился в Тибет. И после этих таинственных мест граф очутился при австрийском дворе – в столице врагов его отца. Император Франц Стефан отнесся к сыну своего покойного врага настороженно. Но его жена, великая австрийская императрица Мария-Терезия, оценила графа. И он сразу занял особое и высокое положение при австрийском дворе. Его лучшим другом стал премьер-министр императора Франца I князь Фердинанд Лобковиц. При дворе говорили, что некие тибетские обряды, которым он обучил Фердинанда, спасли тяжело больного князя от смерти.

В 1755 году граф находился в Вене, когда на первом этаже Хофбургского дворца Мария-Терезия родила девочку, Марию-Антуанетту.

Это был ее пятнадцатый ребенок! Одиннадцать девочек и четырех мальчиков родила императрица. В Париже принцы крови и самые знатные придворные присутствовали при родах королей, в Вене Мария-Терезия эту привилегию отменила. Пятнадцать раз рожать «в присутствии» – этого не выдержать. Теперь все покорно ждали в Зеркальной зале дворца сообщений о таинстве, происходившем в спальне. Граф Сен-Жермен был среди них. Император вышел из спальни роженицы и объявил о счастливом рождении девочки. Толпа придворных аплодировала. После чего император пригласил к императрице... графа Сен-Жермена!

Граф прошел в спальню, где лежала императрица. Новорожденной не было, ее унесли к кормилице. Вместо ребенка Марии-Терезии принесли бумаги. Великая правительница, родив, тотчас занялась государственными делами. Продолжая подписывать, обратилась к графу:

– Я слышала, граф, вы успешно занимаетесь предсказаниями?

Самое потрясающее, я... **увидел!** На этот раз тоннеля не было. Просто от стены навстречу мне поплыло толстое, немолодое лицо женщины с двойным подбородком на огромной белоснежной подушке... Потом над лицом проступил кусок стены с картиной – олень стоял среди деревьев... Я разглядел: картина была набрана из полудрагоценных камней... Потом стена отодвинулась... и я увидел ту же женщину, лежащую на кровати в алькове... и пурпурную занавесь алькова. И, загораживая кровать, спиной ко мне встала мужская фигура.

Императрица заговорила, звук голоса будто смысл видение – все исчезло!

Месье Антуан как ни в чем не бывало продолжал рассказ:

– Граф Сен-Жермен тогда долго молчал, потом сказал: «Ваша дочь навсегда останется в истории. Позвольте мне, Ваше Величество, ограничиться таким ответом на ваш вопрос».

В этот миг я рассеянно взглянул на портрет на стене. Клянусь, граф Сен-Жермен на портрете... улыбнулся! И его рука, обрезанная рамой, медленно поднялась из-за рамы... Она была... в перчатке. И тут я ясно увидел, как они похожи: месье Антуан Сен-Жермен и Сен-Жермен на картине. Помешали понять это сразу парик и камзол. Я почувствовал... страх!

– Умоляю, не выдумайте какую-нибудь простодушную мистическую глупость, – засмеялся месье Антуан. – Просто граф – мой герой. И я постепенно стал похож на него... от восторга. Это вечное сходство пса, обожающего хозяина, не более. Да и похожи мы... не слишком.

И я опять взглянул на картину. Рука портрета была на месте... И изображение вело себя прилично – оно церемонно смотрело вдаль незрячими глазами. Я понял, что мне все это и вправду привиделось. Впрочем, сходство, конечно, было, но не пугающее. Я успокоился! И месье Антуан, все так же насмешливо глядя на меня, продолжил:

– Ваши коллеги ученые пишут: «Слухи о влиянии графа на дела могущественной Австрии дошли до Парижа, и Людовик XV решил переманить загадочного графа. И пригласил его приехать в Париж». На самом деле знакомство короля и графа Сен-Жермена началось с их секретной переписки, точнее, с деликатнейшего письма графа королю.

## «Запрещено все, кроме наслаждения»

Граф Сен-Жермен в своих «Записках» весьма шутливо рассказал о причинах этого первого судьбоносного письма:

«Людовик XV – истинный король Галантного века, недаром он слыл самым красивым монархом Европы. Ему было пять лет, когда умер «Король-солнце», великий Людовик XIV, и ребенок стал 32-м королем Франции. Регентом при короле-ребенке стал его дядя, герцог Филипп Орлеанский. «Герцог Любви» – так справедливо следует называть Филиппа Орлеанского. Именно при нем наступил апофеоз Галантного века, о котором сам герцог сказал: «Запрещено все, кроме наслаждения». И он умел наслаждаться, этот несравненный выдумщик самых разнообразных любовных экспериментов, опасных изысков, описанных в сочинениях маркиза де Сада. Наслаждались все и всюду – во дворцах, в хижинах и даже в монастырях, напоминавших веселые бордели. Этот Герцог Любви объяснил кузине, решившей постричься и стать аббатисой: «Это не так уж глупо, дорогая! Вы примете обет бедности, но будете невероятно богаты, вы примете обет послушания, но будете повелевать, вы примете обет безбрачия, но тайных мужей у вас будет столько, сколько вы захотите». Именно при герцоге появилось множество галантных обычаев, которые граф Сен-Жермен застал в Париже. Например, обожествление женской груди. Как восхитительно говорил герцог: «Это мыс блаженства, к которому тотчас должны устремиться губы и руки каждого истинного мужчины». Поцелуй в обнаженную грудь при герцоге стал столь же обычным в Париже, как нынче – рукопожатие. И когда девица отказывалась расстегнуть лиф, о ней тотчас говорили: «У бедняжки наверняка – доска!» – подозревая самое постыдное для тогдашних дам – плоскую грудь. Герцог любил повторять: «Мужчина любит как целует». По повелению герцога был издан подробнейший трактат о поцелуях – об их значении, особенностях и истории. Самым заурядным, я бы сказал – дежурным, считался «влажный поцелуй», который информировал даму о том, что кавалер обуреваем желаниями. Куда изысканнее был «французский поцелуй», при котором следовало умело и долго соединяться – ласкаться языками... Еще сложнее был поцелуй «флорентийский». Яростно, страстно впиваясь губами, не забывая сладостно-нежно пощипывать ушки любимой. Далее следовало описание еще ста семнадцати видов поцелуев... По заказу герцога была разработана главная наука его времени – «Наука флирта для дам». Это были научные изыскания: как принять самую зовущую позу на софе, как суметь соблазнительно склониться, поправляя дрова в камине, и т. д. Именно при герцоге стало модным принимать поклонников во время туалета, полуодетыми, сидя у зеркала. Туалет моментально превратился в восхитительную выставку чарующих прелестей. То случайно обнажалась рука, то приходилось поправить чулочек – и, следовательно, на мгновение приподнять юбки... И, как учил герцог, этот великий стратег любви: «Если ваши глаза попали в плен красоты, ваши уста и руки должны незамедлительно начать действовать...» И вправду, как удобны были эти утренние приемы, чтобы *ему* немедленно перейти в атаку, а *ей* пасть жертвой атаки. Отослав камеристку из комнаты, она просит кавалера помочь застегнуть непослушный крючочек. И вот уже: «Что вы делаете?... О небо! О моя прическа!...» Для облегчения успеха атаки стали принимать воздыхателей лежа в ванне, с прелестями, накрытыми тонкой простыней. Именно при нем, при Герцоге Любви, начали строиться знаменитые «петит мезон». Они назывались безумствами (folies). Это была очаровательная игра слов: folies (безумство) с латинским sud folliis, что означало «под листьями». Ибо эти домики любовных безумств прятались в окрестностях столицы в тени деревьев под густой листвой. Граф Сен-Жермен был приглашен в знаменитый «петит мезон» кардинала де Роана. Он первым описал стены знаменитого домика, где выпуклые фигуры демонстрировали все виды наслаждений. Приглашенные дамы в лорнет должны были изучить их... прежде чем перейти



в спальни – повторять. Однако, как говаривал граф Сен-Жермен, «герцог Орлеанский забыл грозное предупреждение апостола: «Все дозволяемо, но не все дозволено». Бедняга стал жертвой наслаждений – буквально сгнил от дурных болезней. Но даже умирая в муках, этот паладин Любви упрямо именовал свои болезни «всего лишь шипами на теле прекрасных роз» и «заслуженными ранами великих любовных битв».

Но подраставший юный король увидел страшный конец сгнившего заживо несчастного рыцаря Любви. И преисполнился ужаса. Но, как только закрылись глаза безумца-регента, добрый народ Франции потребовал любовных подвигов от нового правителя – юного короля. Граф Сен-Жермен справедливо отмечал, что любовные подвиги королей возрождали во французском народе древнее чувство безопасности. Ибо еще в глубокой древности считалось: чем любвеобильнее вождь племени, тем плодоноснее становилась земля, богаче урожаи и тем счастливее был народ. Граф Сен-Жермен утверждает в «Записках», что впоследствии, когда на престол вззошел Людовик XVI, первый король, верный своей жене, в стране тотчас возникла революционная ситуация! Однако вернемся, мой друг, к молодому Людовику XV, который этой ошибки не сделал. Он был совсем юн, когда во дворце появилась его первая любовница, незнакомка под густой вуалью. Придворные недолго сгорали от любопытства. Подкупленный слуга короля, будто бы от неловкости, сорвал вуаль дамы. Каково же было разочарование двора! Под вуалью скрывалась фрейлина Луиза де Мальи, урожденная де Нейль, известная дурнушка. Вуаль Луиза носила отнюдь не из скромности. Она справедливо боялась, что, увидев ее лицо, в поход на постель короля немедленно бросятся знаменитые придворные красавицы. Действительно, все дамы, прославившиеся любовными приключениями, как, например, несравненная «Мадам Версаль» (так прозвали фрейлину, переспавшую со всеми обитателями дворца), тотчас попытались соблазнить молодого короля. Но тщетно; юный король остался глух к их атакам. Однако, как только из монастырского пансиона была выпущена *некрасивая* девственница – родная сестра Луизы, Людовик тотчас соблазнил невинную дурнушку. Затем пришла очередь и третьей уродливой сестры де Нейль – Дианы... Спать с сестрами – весьма сексуально. Граф Сен-Жермен в «Записках» вспоминает вашего великого донжуана, князя Потемкина, который умудрился переспать с четырьмя своими племянницами, по мере того как они подрастали. Но племянницы вашего Потемкина были несравненные красавицы, а дамы из рода Нейль – отменно нехороши. Так что придворные красавицы терялись в догадках о странных вкусах короля. Рождались самые невероятные версии об особом зрении молодого Людовика XV... Граф Сен-Жермен, услышавший всю эту странную историю от французского посла в Вене, не размышлял над тайной. Он ее тотчас понял: напуганный судьбой дяди, Герцога Любви, бедный король Людовик попросту боялся повторить его судьбу. И оттого выбирает отменных дурнушек, у которых, как он наивно, по молодости, считает, не может быть любовников и, следовательно, дурных болезней. Именно тогда граф написал длинное письмо Его Величеству, предложив свои знания. Будучи сам великолепным врачом, граф Сен-Жермен отправил королю с нарочным древнюю индийскую настойку махараджей. Созданная в Индии – стране изысканных наслаждений Камасутры, она беспощадно убивала любовную инфекцию. Так что Диана из семьи де Нейль стала последней уродиной в постели Людовика XV. И вовремя! Ибо возмущение придворных красавиц короля стало всеобщим. Буквально все придворные дамы приготовились принять участие в массовом штурме королевской постели. Именно тогда, к восторгу двора, защищенный графом король смог впервые выбрать достойнейшую. Восхитительная маркиза де Ла Турнель стала первой красавицей в королевской постели. Как это ни смешно, она была из той же семейки де Нейль! Но в ее лице род де Нейль полностью себя реабилитировал. Ее божественные формы – пышные бедра, высокую грудь, стрелявшую без промаха из игривого корсажа, – обессмертили тогдашние скульпторы. Это она глядит на нас с крутобедрых статуй античных богинь, с фронтонов дворцов,

построенных при Людовике XV... Но и мадам де Турнель придется вскоре покинуть первую постель Франции. Ибо, получив свободу желаний, король все чаще радовал свой добрый народ новыми красавицами. Пока все они не уступили место достойнейшей. Загорелось сияние, осветившее весь Галантный век!.. Ее звали Жанна-Антуанетта д'Этиоль.

Жанна д'Этиоль с юности готовилась завоевать Францию, как та бессмертная Жанна! Но если Жанна д'Арк завоевала славу доблестным мечом, маркиза добыла ее прекраснейшим телом. Она вошла в историю под именем маркизы де Помпадур.

Именно в это время по приглашению благодарного короля граф Сен-Жермен появляется в Париже.

Его приезд стал сенсацией. Граф был сказочно богат, а французы, как известно, обожают и уважают богатство. Никто не знал и до сих пор не знает источников несметного состояния графа. Известно лишь, что он буквально потряс парижское общество огромными тратами и знаменитой коллекцией драгоценных камней. Жемчуг, сапфиры и, конечно, знаменитые бриллианты редких размеров и красоты описаны множеством очевидцев. И если познания графа в деле государственной безопасности, то есть безопасности королевского члена, стали началом его дружбы с Людовиком, то другой талант графа сделал эту дружбу весьма тесной. Это были знаменитые опыты с драгоценными камнями, весь Париж стекался посмотреть их. Хотя куда чаще они происходили в присутствии одного короля. Именно во время такого опыта граф устранил дефект в любимом бриллианте Людовика. Король пришел в восторг. Мадам де Оссе, придворная дама и очередная любовница графа, в своих мемуарах рассказывает: «Его Величество с изумлением и наслаждением разглядывал камень, вылеченный графом. После чего буквально засыпал графа вопросами: как он это делает? Сен-Жермен со своей вечной доброжелательной улыбкой объяснил Его Величеству, что сие неведомо ему самому. Просто, увидев несовершенство камня, он уже в следующий миг видит его совершенным! Будто камень лечат его глаза. И тогда же он сообщил Его Величеству, *что умеет увеличивать драгоценные камни и придавать им по своему желанию нужный блеск.* После чего в присутствии короля взял пригоршню мелких бриллиантов приблизительно в 28 каратов. Уложил их на особый тигель. И, накаливая, сотворил великолепный бриллиант, который после огранки превратился в чистейшей воды камень в 14 каратов стоимостью 30 000 ливров. Все преображенные бриллианты и новорожденный камень Его Величество оставил у себя».

Потрясенный король пригласил Сен-Жермена пожить в королевском замке в Шамборе, в великолепных покоях, где прежде обитал знаменитейший полководец принц Морис Саксонский. Король приказал устроить в Шамборе мастерскую для небывалых химических опытов графа. Он назначил ему щедрый пенсион в 120 000 ливров, которые граф тратил на свои исследования. Остаток щедро раздавал прислуживавшим во время опытов.

Месье Антуан позвонил в колокольчик. Все тот же безликий молодой человек молча вкатил маленький столик и все так же молча удалился. На столике лежало нечто, укрытое бархатом. Будто священнодействуя, пугающей рукой в черной перчатке месье Антуан медленно поднял бархат. Под ним оказались две большие шкатулки красного дерева. Выспренным жестом фокусника он раскрыл первую. На красном бархате лежал неправдоподобный сапфир размером с куриное яйцо, и рядом с ним мерцал дивной красоты бриллиант. Черная перчатка месье Антуана нависла над ним:

– Этот камень – один из сотворенных графом в Париже. Его мне продали потомки мадам де Оссе. Граф подарил ей камень после их первой ночи. Сколько долгих лет я за ними охотился... Трогайте, трогайте. Вам хочется потрогать!.. Смелее! Дерзайте, берите в руки божественные камни!

Я взял бриллиант. Никогда не держал в руках подобного камня.

– Это очень редкий бриллиант такой величины, на котором нет крови, – сказал месье Антуан. – Обычно за каждым подобным крупным камнем – вереница преступлений. Причем после каждого убийства бриллиант начинает играть новым блеском: человеческая кровь меняет свет, живущий в камне... И еще. Любимые вещи хранят электрическое поле их хозяев. И когда вы дотрагиваетесь до них, вы соединяетесь с ними, с ушедшими, отдававшими им тепло своих рук. В этот миг вы поймали ушедших владетелей, прячущихся от нас в природе. Только надо уметь трогать вещи. Не делайте это примитивно... Трогать – не значит только дотрагиваться. Наоборот, дотронувшись, тотчас уберите руку, медленно поднимите ее и держите над предметом, как над огнем. Старайтесь уловить, почувствовать тепло, идущее от камня. Говоря птичьим языком нашего века, в этот миг происходит соединение двух компьютеров. И возникает тропинка ТУДА. Начинается увлекательнейшая из Игр. Игра со Временем.

Граф был наделен тайной Времени. Он был великолепный художник – кстати, это он изобрел светящиеся краски. Изобретение, которое пытаются приписать другому. Но сам он не мог любоваться живописью – ни своей, ни чужой. Когда он глядел на картину, она тотчас распадалась для него на мазки, которые художник мгновение за мгновением накладывал на холст. Граф, глядя на холст, видел Время... Но вернемся в Париж!

Прошло совсем немного времени после появления графа в Париже, и уже Фридрих Великий с изумлением написал в письме: «В Париже объявился новый политический феномен. Этот человек известен под именем графа Сен-Жермена. Он состоит на службе у французского короля и находится у него в большой милости».

Они часто подолгу беседовали, граф и король, пока придворные томились в приемной, подпирая стены Овальной комнаты.

Теперь все знаменитые вельможи считали за честь пригласить друга короля на ужин. Но, как писал завидовавший и ненавидевший графа Сен-Жермена Казанова, к изумлению присутствующих, граф почти ничего не ел во время этих ужинов. Да, у него была особая диета. Вместо еды он рассказывал. Эти рассказы Сен-Жермена были, как правило, о событиях знаменитых, но давно минувших. Его рассказы были столь же таинственны, как его химические опыты. Ибо граф, рассказывая о прошлом, порой забывался... как порой и я, ваш покорный слуга. И рассказывал... *в настоящем времени!* Будто он побывал там недавно... Все дело в том, что граф Сен-Жермен, как и ваш покорный слуга, *видел* то, что *рассказывал*... На слушателей это действовало. Граф насмешливо писал в одном из писем: «Услышав, как я описываю прошлое, милые парижане верят, что мне тысяча лет и я в нем бывал! Я не спешу разуберечь их, ведь им так хочется верить, что кто-то может жить намного дольше, чем установлено неумолимой природой».

Граф был и великолепным композитором. Обычно, беседуя с гостями, садился за клавишину и, продолжая беседу, начинал импровизировать. Он как бы записывал музыкой свой разговор для Вечности.

## Пиковая дама

И месье Антуан сел за клавесин...

– Осталось несколько музыкальных композиций, сочиненных самим графом. Кстати, одна, в переплете красной кожи, сохранилась в коллекции вашего великого Чайковского, ценившего его музыку.

Я наконец-то спросил его:

– Почему «вашего»? Разве вы не русский?

– Не имею чести, – торопливо сказал он и прибавил, не давая мне возможности задать следующий вопрос (сколько раз я собирался узнать, кто же он, но каждый раз почему-то откладывал спросить). – Это сочинение графа на стихи шотландца Гамильтона «*O wouldst thou know what Sacred Charms*» («Ах, знал бы ты священные чары»)... – Он заиграл и тихонечко, очень мелодично запел по-английски, но тут же прервал пение и сказал:

– Именно после исполнения этого романса произошел тот разговор. Ваш Пушкин описал эту историю в «Пиковой даме». Эта история действительно случилась. И карточный проигрыш, и три карты, сообщенные во спасение, – были! Но произошло все это отнюдь не с русской дамой, придуманной вашим великим поэтом, но с другой красавицей, впрочем, также имевшей прямое отношение к вашей родине. В это время в числе самых близких друзей графа была гостившая в Париже принцесса Ангальт-Цербстская! Да, мать вашей будущей императрицы, великой Екатерины. И вот после исполнения этого романса граф Сен-Жермен заметил необычное. Красавица, обычно шумно восторгавшаяся его музыкой, на этот раз слушала рассеянно и была необычно бледна. Они уединились, и она рассказала ему о своем горе. Красотка обожала карты и сумела в очередной раз проиграться в пух и прах. Ее муж был небогат. Принц служил у Фридриха Великого заурядным комендантом Штеттина. К сожалению, это был, увы, не первый ее парижский проигрыш. И муж взбунтовался, наотрез отказался платить. Ей оставалось только заложить любимое бриллиантовое кольцо. Но и оно не потянуло на нужную сумму. Короче, она попросила у графа в долг.

Месье Антуан перестал играть. Он откинулся в кресле. И... как же изменилось лицо!.. Знакомая мука... Клянусь, я видел, как, страдая, трудно, он уходил – ТУДА... Монотонно заговорил:

– Да-да, попросила займы.

И я! Я... увидел! Она сидела в кресле, обмахиваясь веером. Я видел платочек, прикрывавший высокую грудь... павлиньи перья веера, закрывшие лицо... Блестела в свечах золотая ручка веера... Он сидел рядом с нею. Его рука нашла ее руку. Где-то далеко раздался звук мужского голоса, и...

И тотчас все исчезло. Месье Антуан сидел, откинувшись в кресле...

Наконец продолжил рассказ:

– Граф сказал: «Я вас люблю. Я готов отдать вам не только жалкую сумму, но и жизнь в придачу. Однако, коли дам деньги, окажу самую дурную услугу. Ибо вы поступите, как все безумные игроки. Вместо того чтобы отдать долг, немедленно броситесь вновь играть... и, поверьте, проиграетесь. Поэтому я поступлю иначе».

Как он пишет в «Записках», граф открыл ей три выигранные карты. Но объяснил: эти карты могут выиграть только однажды и только пока он будет находиться в игровой зале. Но как только она отыграется, граф уйдет, и принцесса должна последовать за ним.

– И тогда я возьму с вас клятву никогда более не играть, – закончил граф.

Она бросилась ему на шею. В тот же вечер принцесса отыгралась и дала клятву. Более она не играла никогда! Шли годы, но граф не забывал свою возлюбленную. Он помнил

их всех... Поверьте, это было нелегко... если знать, сколько лет он жил и сколько дам его любили. Граф часто переписывался с принцессой. Я храню одно ее письмо к нему. В нем мать Екатерины излагает графу послание своей дочери, ставшей к тому времени женой наследника престола. Молодая Екатерина со страхом описывает матери припадок, случившийся с вашей императрицей Елизаветой.

Боже мой, как я ждал, что сейчас опять увижу... но ничего! Я видел только месье Антуана, обстоятельно и скучно рассказывавшего:

— Дело происходило в церкви в Петергофе. Во время обедни русской императрице Елизавете стало плохо, и она вышла из храма. Сделала несколько шагов и упала на траву. Свита оставалась в церкви, и несчастная императрица лежала без сознания и без всякой помощи, окруженная испуганными крестьянами. Наконец появились придворные, принесли ширму и софу. Прибежал доктор, пустили кровь. И на софе отнесли императрицу во дворец. На этот раз ее выходили. Но теперь Екатерина боялась скорой смерти императрицы, ненависти мужа и угрозы быть постриженной в монастырь, если муж станет императором. Обо всем этом она писала матери. И тогда граф Сен-Жермен просил передать Екатерине следующее: ей не надо ничего бояться. Уже летом следующего года наступит решающий для нее час, и в это время он сам появится в России.

## Феи Оленьего парка

И он действительно появится, как предсказал. Но об этом позже. А тогда в Париже наступил расцвет – апогей власти маркизы де Помпадур. Граф звал ее «Несравненная». Несравненная завладела не только королевской постелью, но и сердцем короля. Маркиза вмешивалась в политику, покровительствовала искусствам, науке... и графу Сен-Жермену. Она стала частой гостьей на его опытах в замке Шамбор. Надо сказать, граф весьма пополнил коллекцию бриллиантов Несравненной. Но годы шли, маркиза не молодела, и при дворе явились новые бойцы во всеоружии победоносной молодости. Начались их дерзкие атаки на постель Его Величества. И однажды мадам де Помпадур позвала к себе Сен-Жермена. Она приняла графа, лежа в ванне. Эта ванна до сих пор находится в Версале. Я иногда туда приезжаю потрогать ванну и другие ее вещи. Они шепчут... Итак, маркиза со вздохом сказала Сен-Жермену... – Здесь месье Антуан остановился. – Вы уже *видите*? Не так ли?

Я видел!! Она полулежала на софе в великолепном платье. Видна была крохотная ножка в лиловой туфельке. Рядом стояло кресло, обитое гобеленом – целующиеся пастух и пастушка. Она улыбнулась и заговорила. И как всегда, при звуке голоса все исчезло.

И тотчас раздался голос месье Антуана, который сказал странную фразу:

«Вы не сумели войти ТУДА. Ваш мозг вас обманул. Он просто показал знакомый вам парадный портрет мадам де Помпадур. Жаль, что вы не смогли увидеть ее настоящее, *тогдашнее* лицо. Неумолимое время подкралось к красавице и уже нарисовало у глаз предательские черточки. Но она решила бороться. В то утро она сказала графу: «Как светит в окно беспощадное светило... Не так давно я обожала его лучи... они ласкали, но теперь выдают. Сегодня я еще могу принять вас днем, освещенная солнцем. Но, увы, уже завтра...» И она смиренно попросила у Сен-Жермена эликсир бессмертия. Таковы были слухи о могуществе графа! Граф объяснил ей, что таковым не обладает: «Это все досужие сплетни. Им не обладали даже греческие боги, даже они умерли. Правда, через тысячу лет, но все равно подчинились закону нашей безжалостной природы. Хотя в лесах Эллады порой и раздается трубный глас на миг воскресшего Пана... и тогда просыпаются боги на Олимпе. Но тоже лишь на миг. Вы так прекрасны, мадам, что я, ваш верный слуга, просто обязан прислать вам нечто, хотя бы подобное эликсиру. Это древнее притирание, созданное в Тибете. Оно не сделает вашу красоту бессмертной, но сохранит ее на некоторое время. Одновременно вам придется соблюдать мою диету».

На следующее утро граф принес мадам де Помпадур свое знаменитое лекарственное притирание и строгие правила еды. Действие оказалось фантастическим, маркиза вернулась в свои 20 лет... Однако защитить ее надолго граф уже не смог. Ибо маркиза в это время приняла роковое решение.

В это же время наш граф Сен-Жермен часто выполнял политические задания маркизы и короля. Фрейлина Марии-Антуанетты, графиня д'Адемар, еще одна возлюбленная графа, вспоминает в своих мемуарах: «Я была тогда совсем молоденькой фрейлиной, без памяти влюбленной в графа. Помню, часто во время долгой аудиенции графа у короля (на ней обычно присутствовала и маркиза) я поджидала графа, разгуливая по залам. Но граф стремительно выходил из кабинета короля. Он успевал лишь страстно пожать мне руку, вскакивал в ожидавшую его у дворца карету и устремлялся к границе». Анализируя список столиц, которые посещал Сен-Жермен за одну поездку, вынужден отметить: скорость, с которой передвигался граф, выглядит неправдоподобной. Он будто переносил свое тело из города в город. Именно тогда граф Сен-Жермен удачно осуществил целый ряд самых секретных дипломатических поручений короля. В частности, уговорил турок начать войну с вашей Екатериной.

Во время этих отлучек графа королем овладевал все тот же безумный страх заразиться дурной болезнью. Но оставить любовные забавы было свыше его сил. Достаточно было ему заглянуть за корсаж дамы или увидеть женскую ножку на качелях, как этот несчастный (или очень счастливый) буквально пламенел. Но пламя он привык гасить немедленно. «Порыв не терпит перерыва» – была его любимая присказка.

И тогда верная мадам де Помпадур придумала, как соединить постоянное желание этого Мученика Любви с его безопасностью. Девственницы! Они не только гарантированно безопасны, но эти едва распустившиеся розы должны были поддержать огонь в, увы, хладящей крови постаревшего монарха. Маркиза сама подыскивала ему этих юных любовниц, как ваш Потемкин подыскивал молодых любовников вашей стареющей Екатерине.

Так они оба придумали сохранять свое влияние в покинутой ими царственной постели.

«Олений парк» – старинное название отдаленного квартала в Версале. Он был создан на месте древнего лесопарка, где когда-то в изобилии водились олени. Здесь, в Оленьем парке, были спешно построены несколько очаровательных «петит мезон» для безумств (folies) короля. В этих домиках и поселили несколько тринадцатилетних фей. Людовик навещал их инкогнито, под именем кавалера из свиты польского короля. Тени оленей, прежних рогатых обитателей этого места, породили множество шуток. Впрочем, не только мадам Помпадур, эта великая Муза всех тогдашних поэтов Франции, была королевской сводней... Сводниками с удовольствием и добровольно становились отцы юных фей.

Вот что писал Людовику старый воин, узнавший о королевском гареме... Я держал это письмо в руках, но владелец не согласился мне его продать. Сейчас оно хранится в Парижском архиве:

*«Ведомый горячей любовью к королевской персоне, имею честь быть отцом прелестной девочки, настоящего чуда Свежести, Красоты и Здоровья. Я был бы счастлив, если б Его Величество соизволило нарушить ее девственность. Подобная милость была бы для меня наградой за мою долгую и верную службу в армии короля».*

В отличие от знаменитых придворных любовниц короля нежные обитательницы Оленьего парка остались безымянными. Их неопытность, долгая возня с лишением девственности, слезы, боли и страхи раздражали монарха. Так что надкушенный плод второй раз к королевскому столу подавали редко. Вчерашних избранниц короля обычно быстро выдавали замуж, и заботливый король обеспечивал приданое. Повторных посещений короля, пожалуй, удостоилась только она – ирландка О'Морфи.

Ей было тринадцать, когда ее нашел Казанова. Сестра-актриса торговала ее девственностью. Когда Казанова отмыл нищую девчонку, он понял, что не ошибся. У нее оказалось божественное тело и восхитительное личико. Но, как часто говаривал этот веселый распутник: «Любовь, как война, должна кормить самое себя». Так что он сразу предназначил продать ее для королевской постели. Ночами Казанова посвящал ее в тонкости любви, оставляя нетронутым главный приз. Не мог же он подсунуть венценосному Адаму надкушенное яблоко... Впоследствии ее много рисовали художники. Буше обессмертил ее обнаженное тело: она лежит на животе, щеголяя несравненной попкой: поза, сводившая с ума мужчин. Один из таких портретов Казанова отправил королю. И тотчас юная прелестница очутилась в Оленьем парке. Когда малютка впервые увидела Людовика, она... расхохоталась. Изумленный король спросил:

– Почему ты смеешься?

– Потому что Вы как две капли воды – шестифранковый эку!

Эту монету с изображением короля простодушная О'Морфи хорошо запомнила – она получала ее после каждой ночи с Казановой.

Так она сразу разоблачила королевское инкогнито. Но вскоре дурочка осмелела и стала дерзкой. На правах цветущей юности как-то безжалостно спросила монарха:

– Как поживают ваши старушки, сир?

– Ты о ком? – удивился король.

– О Ее Величестве и Вашей маркизе.

Король молча ушел из комнаты. О’Морфи в тот же день отправили вон из Оленьего парка. Свою супругу король глубоко уважал, Несравненную маркизу любил. Он удалил ее из постели, но не из сердца. Но Несравненная и вправду стала стремительно стареть. Притирания перестали помогать. Ибо, став сводней, Несравненная стала отвратительна себе самой. Теперь все зеркала в ее комнатах в Версале были тщательно завешены черной материей. Призванный на помощь Сен-Жермен объявил со вздохом, что сделать, увы, ничего не может, ибо у нее постарела... душа! Мадам де Помпадур поняла приговор... Она предпочла поторопиться. Ее нашли мертвой среди траурных зеркал. При дворе все были уверены, что маркиза умерла от яда. На самом деле она просто сумела заснуть... навсегда. Как заполучить такой благодетельный сон? Этому научил ее граф Сен-Жермен.

В тот день шел проливной дождь. Граф приехал во дворец тотчас после того, как маркиза закрыла глаза. Но согласно этикету в королевском дворце не могло оставаться мертвое тело. Так что, торопливо накрыв простыней, ее понесли прочь из дворца. Вчерашнюю некоронованную королеву Франции, чей благосклонный взгляд ловили принцы крови, чью красоту воспевали поэты, торопливо выносили прочь, как подохшую собаку. Только граф Сен-Жермен шел за носилками. Когда-то мокрая простыня в ванне облегла ее совершенное тело. И теперь под проливным дождем простыня так же нарисовала ее мертвую плоть. Король, стоя у окна, проводил глазами носилки, столь знакомое тело и шедшего за ними графа. И даже махнул платком вослед. «Это все, что я смог для нее сделать», – вздохнул Людовик. Он постарался забыть маркизу. Галантный король ненавидел думать о неприятностях, он верил, что от этого появляются морщины. Единственной, кто позаботился заказать мессу по некоронованной королеве Франции, была королева коронованная – Ее Величество Мария Лещинская, жена Людовика XV.



## Интрига в Галантном веке

После смерти мадам Помпадур Сен-Жермен остался без главной покровительницы. Конечно же тотчас объявился могущественный враг. Первый министр короля герцог Шуазель всегда действовал в союзе с мадам де Помпадур. И пока была жива некоронованная королева, первый министр был самым добрым знакомым Сен-Жермена. Он великодушно мирился с опасной близостью графа к Людовику, с дипломатическими поручениями короля, которые Сен-Жермен выполнял, не советуясь с первым министром. Но тотчас после смерти маркизы Шуазель начал действовать. Сначала он убеждал короля, что граф – опаснейший шпион Англии. Но блеск бриллиантов, созданных графом, затмил наивную интригу. Через некоторое время Шуазель сообщил королю, что граф хранит еретические, развратные книжонки Аретино и проклятые церковью «Ключ Соломонов» и «Пикатрикс», позволяющие вычислять влияние планет на судьбы смертных, вступать в сношения с духами и исполнять обряды черной магии. Это было посерьезнее. Людовик призвал графа и показал ему донос. Граф расхохотался. Он объяснил, что эти книги написаны проходимцами, мало смыслящими в астрологии. Держат их у себя шарлатаны вроде Казановы, чтобы завораживать ими простодушных богачей. И хотя граф знает, как вступить в сношения с духами, он никогда этого не делал. Такое общение – самый верный путь угодить в руки дьявола. Что же касается книги великого Аретино «Сладостные сонеты», – это описание самых соблазнительных любовных поз. Ее всегда возил с собой великий Леонардо. Именно этот экземпляр действительно имеется в библиотеке графа, и он с удовольствием преподнесет его государю.

Он преподнес королю бесценный экземпляр, принадлежавший несравненному да Винчи. И Его Величество смог сравнить любовные фантазии Аретино с позами, которые были известны ему прежде. Все последующие месяцы девочки в Оленьем парке овладевали знаниями Аретино. Именно тогда взбешенный Шуазель придумал воистину мудрый ход.

Самое постыдное для легкомысленных французов – стать смешным. Шуазель нанял некоего актера, умеющего великолепно имитировать голоса.

Здесь тяжелые веки месье Антуана раскрылись, и в ледяных глазах загорелся огонь, и он сказал с удивившей меня ненавистью:

– Этот гнусный комедиант, этот презренный фигляр посмел ходить по парижским салонам, выдавая себя за Сен-Жермена. Не знавшие графа с хохотом принимали рассказы потешного мерзавца за чистую монету. Он быстро превратил в карикатуру монологи графа – его путешествия в прошлое. Голосом графа презренный шут заявлял: «Как же, как же, мы с Иисусом были очень близки. Но он был слишком романтичным и очень любил преувеличивать. Как сейчас слышу, он рассказывает эту потешную историю про семь хлебов, которыми он будто бы накормил тысячи. Я уже тогда предупреждал его, что с такими выдумками он непременно плохо кончит...» Слушатели умирали от смеха. Презренные проходимцы Калиостро, Казанова – те, кто завидовал графу, – приняли участие в поношении.

## Казанова

Казанова был самый талантливый из них, самый обидчивый и самый злобный. Обожал афоризмы, придумал несколько великолепных... не брезгуя присваивать и чужие. Например, шутку Сен-Жермена: «Все твердят: «уважайте старость, она делает человека мудрым... Но можно ли уважать следствие, если причина, его породившая, столь отвратительна?» Казанова был великолепно сложен, очень высок, но довольно дурен собой: толстый бесформенный нос плюхой висел на смуглом лице. Но в нем была такая гордость, такая вера в свою неотразимость, что она воистину завораживала окружающих. Первый раз Сен-Жермен увидел Казанову в Опере. Казанова был в голубом бархатном камзоле, шитом золотом; смуглая рука в перстнях с крупными бриллиантами торчала из пены кружев. Он стоял, придерживая эфес шпаги, победительно разглядывая в лорнет логи, точнее, впечатление от своего появления. Граф, проходя мимо него, усмехнулся и тихо прошептал: «Три из четырех – фальшивые... Это я о бриллиантах на ваших перстнях. Что же касается эфеса шпаги – здесь фальшивы все камни».

Казанова возненавидел его. И когда начались гонения на графа, венецианец поспешил осмеять его способность создавать алмазы и золото.

(Я потом прочел мемуары Казановы, он писал о Сен-Жермене: «Этот необычайный человек на самом деле прирожденный обманщик. Безо всякого стеснения, как о чем-то само собою разумеющемся, говорит, что ему 300 лет, что он владеет панацеей от всех болезней, что у природы нет от него тайн, что он умеет плавить алмазы и из десяти-двенадцати маленьких сделать один большой, того же веса и притом чистойшей воды, и может создавать золото».)

Но граф проучил наглеца. Встретив Казанову, граф попросил у него жалкую монету в 12 су. После чего со своей постоянной вежливой улыбкой сказал:

– Я слышал, сударь, что вы не верите в мои возможности. Так вот, я обещаю на ваших глазах превратить эту монету нищих в золотую. Но если я сумею это сделать, вы дадите мне слово об этом рассказывать всем. Надеюсь, вы согласны?

Казанова понимал: попробуй он отказаться, граф тотчас вызовет его на дуэль. За Сен-Жерменом числилось множество отправленных на тот свет противников. Обычно во время дуэли граф читал любимый сонет Шекспира, нанося в конце сонета заключительный смертельный удар. Противник успевал услышать: «Так храм разрушенный все – храм, кумир поверженный – все бог». Выпад! И соперник спешил к Богу!

Как нередко бывает с большими и сильными мужчинами, Казанова был трусоват. Он сам говорил: «Я слишком люблю жизнь, чтобы рисковать ее потерять». Казанова поспешил согласиться.

На следующий день он пришел в особняк графа. Собралось еще несколько приглашенных. Граф попросил Казанову дать ему монету в 12 су. После чего предложил присутствующим проверить монету. И она пошла по рукам. Граф положил на монетку некое таинственное зернышко и, поместив все на кусок некоей черной породы, начал разогревать обычной паяльной трубкой. Во время таинства граф низко наклонялся над монеткой, упираясь в нее взглядом. По прошествии приблизительно трех-четырех минут он щипцами поднял раскалившуюся монету и положил ее на стол. Подождал, пока она остынет, и молча отдал Казанове. Тот долго изумленно вертел монету, наконец воскликнул: «Золото!!!»

И передал присутствующим. Монета превратилась в золотую.

– Вы можете взять ее себе. Но я надеюсь, вы сдержите слово, – сказал граф Казанове. Конец фразы: «если по-прежнему не желаете, чтоб я вас вызвал» граф не произнес, но Казанова понял. Он сдержал слово и всем рассказывал о происшедшем.

Став стариком, в своих мемуарах, написанных после известия о смерти графа, Казанова описал эпизод весьма вольно. Он перенес его из Парижа в Англию. Но чудесное превращение вынужден был описать: «Бросив на мою монету маленькое черное зернышко, Сен-Жермен положил монету на уголь, который разогрел с помощью паяльной трубки. *Спустя* две минуты раскалилась и монета. Через минуту она остыла, и Сен-Жермен дал ее мне. Я стал рассматривать монету. Теперь она была золотой». Но завистливый венецианец не удержался намекнуть, будто граф мог ловко подменить монету. «Два месяца спустя, – пишет Казанова, – я подарил эту монету фельдмаршалу Кейту». На самом же деле вечно нуждавшийся в деньгах распутник продал монету фельдмаршалу. И чтобы цена была поболее, не забыл присовокупить: «Я ни на миг не усомнился в том, что держал в руках ту самую монету в 12 су... Произошло чудо превращения!» Этот эпизод фельдмаршал Кейт описал в письме к графу Сен-Жермену, с которым был давно дружен.

Граф продолжал публичные опыты в Париже. На следующий день он, опять же на глазах публики, преобразил еще две монетки по 12 су. Точнее, *всего* две... Как он сказал: «Чтобы не разорить французскую казну». И месье Антуан торжественно открыл вторую шкатулку. На дне лежала золотая монетка в 12 су:

– Украшение коллекции! Одна из тех двух монет. Монета нищих, 12 су, ставшая золотой каких-то двести пятьдесят лет назад! Он передал ее мне. И я держал в руке эту монетку!!

– Однако, – продолжил месье Антуан, – после слишком длинного вступления перейдем к главному. По сию пору историки верят, что влияние графа уничтожила интрига герцога Шуазеля. На самом же деле все ухищрения герцога оказались тщетными. Отношения Сен-Жермена с королем погубил *некий* разговор... Разговор этот касался судьбы самого странного, самого таинственного узника в истории Бастилии. Его судьба с давних пор не давала покоя и мне. И вот сейчас наконец-то появилось время серьезно заняться его историей. Именно потому я приехал в Париж, – сказал месье Антуан. И начал рассказывать.

## Железная Маска. Вступление к тайне

– Этот самый знаменитый узник Бастилии умер в тюрьме в самом начале XVIII века. Правил Францией тогда дед Людовика XV – великий король Людовик XIV. В ненастном ноябре 1703 года, 19-го числа, в Париже шел не такой уж привычный для парижан снег с дождем. В ночь на 20 ноября кладбище при церкви Святого Павла оцепили королевские гвардейцы. Подъехала телега с богатым гробом, сопровождаемая охраной. Гроб этот привезли из Бастилии. Его положили в заранее вырытую яму, торопливо закопали, не поставив над ним никакой надгробной плиты. Захоронением лично командовал тогдашний губернатор Бастилии господин Сен-Мар.

Уже вскоре весьма осведомленная особа, вдова брата Людовика XIV, принцесса Шарлотта Пфальцская, сообщила в письме к своей тетке герцогине Ганноверской, что в Бастилии умер очень странный узник. Узник носил на лице маску. Под страхом беспощадного наказания нельзя было заговаривать с ним тюремщикам, служившим в Бастилии... Шарлотта писала, что впервые услышала об узнике в маске за несколько лет до его смерти. Уже тогда во дворце ходили описания таинственного заключенного, заставлявшие биться сердца придворных дам. Рассказывали, что он великолепно сложен, у него прекрасные кудри – черные, с обильной серебряной сединой. Он носил кружева, великолепный камзол, и в его камеру доставляли самую изысканную еду. Прислуживал ему во время еды сам тогдашний губернатор Бастилии господин Сен-Мар. Муж Шарлотты герцог Орлеанский (отец Герцога Любви) был тогда еще жив и по просьбе Шарлотты посетил Бастилию. Но когда он попытался разузнать у губернатора Бастилии Сен-Мара о его узнике, тот в ответ только молча поклонился брату короля, после чего сказал, что не имеет права говорить об этом предмете. Любопытство жены отправило герцога Орлеанского к королю. Но когда тот спросил брата об узнике, Людовик XIV нахмурился и нарочито грубовато прервал разговор с братом. – Здесь, я думаю, – сказал Антуан, – мы тоже прервемся. Ибо, как вы знаете, француз может все, но не может долго быть без еды.

Обед дали в гостиной, стены которой были обиты палевым штофом и украшены огромной картиной, изображавшей пир Пана. Пан, хохочущий пьяный старик, окруженный рубенсовскими грудастыми нимфами с обильной плотью, пировал за столом, ломившимся от яств.

– Нет-нет, это не Рубенс, но его школа, – сказал месье Антуан.

Нас обслуживал все тот же молчаливый слуга. Обед был великолепен, и при смене блюд месье Антуан торжественно представлял кушанья. На первое был кремообразный суп из панциря омара. Потом последовал салат из нежнейших морских гребешков, украшенный капустными листьями, и кольца кальмара с овощами. После этого пришла очередь самого омара в персиковом соусе и еще какие-то блюда. Пили неизвестное мне итальянское белое вино и столетний коньяк. Увлеченный рассказом об узнике, я не запомнил названия.

Но не запомнил я зря.

– Это воистину королевский обед, – сказал я.

– Это точное повторение одного из обычных обедов, который готовили узнику в маске, – сказал месье Антуан. (Сам же он почти ничего не ел. Несколько стручков гороха и половина свеклы – вот и вся его еда...)

– Итак, – продолжил он свой рассказ, – в 1745 году, когда Людовик XIV уже умер и страной правил Людовик XV, появилась книга анонима «Секретные записки по истории Персии». Книгу эту опубликовали в Амстердаме. Автор, явно подражая знаменитым «Персидским письмам» Монтескье, перенес действие книги в Персию. Герой романа – незаконный сын великого персидского шаха (читатель должен был понимать, что это Людовик XIV). Этот храбрый юноша дает пощечину своему сводному брату, «великому дофину», и тому

приходится вызывать его на дуэль. Шах, конечно же, запрещает дуэль, но понимает, что незаконный отпрыск, великолепно орудующий шпагой, решил убить законного наследника... и когда-нибудь сможет это сделать. И во избежание династической катастрофы король поспешит отправить бастарда в вечное заключение. Наеки были прозрачны. Действительно, у Людовика XIV был незаконный сын граф Вермандуа (рожденный от знаменитой фаворитки Луизы де Лавальер), каковой исчез в возрасте 16 лет.

Версия наделала много шума, но!.. Но быстро умерла. Оказалось, граф Вермандуа отнюдь не исчез. Нашлись многочисленные свидетельства безвременной кончины этого юноши, о котором, кстати, долго горевал обожавший его Людовик XIV... Но история таинственного узника Бастилии по-прежнему волновала и современников, и их потомков.

В разгадке тайны принял участие и самый знаменитый человек века Вольтер... Благодаря Людовику XV Вольтер дважды сидел в Бастилии и теперь жил в эмиграции в Фернее. Фернейский мудрец выпустил любимую книгу графа Сен-Жермена «Век Людовика XIV». В ней Вольтер сообщил историю, которую будто бы слышал в Бастилии от людей, прислуживавших таинственному узнику. Оказалось, несчастный должен был под страхом смерти носить на лице железную маску.

Вот так таинственный постоялец Бастилии благодаря Вольтеру получил свое нынешнее имя – «Железная Маска». С этим именем он пребудет в веках, хотя его маска никогда не была железной, она была бархатной. Через два десятилетия Вольтер вернулся к истории узника. В своем новом сочинении он снабдил таинственную Маску сенсационной биографией. Оказывается, под железной маской король **Людовик XIV** скрывал своего родного **брата** по матери. Это был незаконный сын Анны Австрийской от одного из ее фаворитов. Версия Вольтера взбудоражила Францию. Сен-Жермену, которого к тому времени справедливо считали хранителем всех тайн Европы, не давали покоя. Кто его только ни мучил: Шансель де Лагранж, Сенак де Мельян... Граф упорно уклонялся от встреч с ними. Но все они, так и не получив желанного разговора с графом, тем не менее один за другим написали свои сочинения о Железной Маске. Так начался шквал книг о загадочном узнике. Накануне Французской революции появилась еще одна версия о Железной Маске, популярная и антибурбонская. Оказывается, истинный сын Людовика XIII после смерти короля был заточен в Бастилию с маской на лице. Вместо него кардинал Мазарини, любовник королевы Анны Австрийской, посадил на престол своего сына, тайно рожденного королевой. Маска на лице узника должна была скрыть сходство братьев по матери. Эта романтическая версия скрывала политику, – ибо ставила под сомнение право на трон Людовика XVI! В дело вступили романисты. Появится романтическая версия о брате-близнеце Людовика XV, само существование которого угрожало прочности трона. За что его и держали в Бастилии с маской на лице.

Весь XVIII век о Маске говорили и спорили при всех европейских дворах. Вышедшая замуж за дофина австрийская принцесса Мария-Антуанетта уже через несколько дней после приезда во Францию допытывалась об этой тайне у мужа. Она потребовала, чтобы тот поговорил об узнике с королем.

Марии-Антуанетте исполнилось 16 лет, когда Сен-Жермен, присутствовавший когда-то при ее рождении, увидел ее вновь в Париже. У нее были великолепные пепельно-русые волосы, лазоревые глаза наяды, чувственная, слегка оттопыренная нижняя губа Габсбургов, тонкий орлиный нос, необычайной белизны кожа. Она двигалась с какой-то кошачьей грацией, ее нежный грудной голос и прелестный смех волновали.

Муж Антуанетты – наследник престола... Дофин близоруко щурил водянистые голубые глаза. Был он толст и крайне неуклюж. Они поразительно не подходили друг другу – Грация и Боров.

Через неделю после ее приезда в Париж неуклюжий супруг, исполняя просьбу жены, отправился к деду-королю расспросить о таинственном узнике.

Людовик XV сразу оборвал вопросы дофина. Он недовольно пожал плечами, сказал кратко: «Я устал объясняться по этому поводу. Я уже говорил когда-то вашему покойному отцу, что никакой тайны нет... Это был человек не такой уж знатный, но, на свою беду, знавший слишком много государственных тайн. И все!» Король попросил дофина впредь никогда не спрашивать его об этом. Но Антуанетта не поверила объяснению. Именно тогда она решила обратиться за помощью к всезнающему графу Сен-Жермену. Как и мадам Помпадур, она пользовалась приготовленной им косметикой. Во время очередного посещения графом дворца она попросила его разузнать об узнике. Впрочем, дамы тогда не просили, они приказывали. Граф поспешил исполнить приказ. Он пишет в «Записках», как он встретился с потомком губернатора Бастилии Сен-Мара, «человека, знавшего тайну».

Господин Сен-Мар, прежде чем стать комендантом нескольких тюрем, где сидели важнейшие государственные преступники, начал свою карьеру мушкетером, служившим в роте мушкетеров под началом Шарля де Бац Кастельмора, прославленного Дюма в «Трех мушкетерах» под именем д'Артаньяна.

## Мушкетер Сен-Мар

Именно ему, бывшему мушкетеру Сен-Мару, был поручен загадочный узник. В течение трех десятков лет Сен-Мар неотлучно находился при нем, перевоза таинственного узника в новые и новые тюрьмы и неизменно становясь начальником тюрьмы, куда он доставлял несчастного. Именно Сен-Мар, стороживший узника днем и ночью, по каким-то причинам придумал надеть на него злосчастную маску. Как я уже говорил, маска никогда не была железной. Она была из нежнейшего тонкого черного бархата и крепилась на лице особыми застежками, открывавшимися перед едой. Вскоре после смерти таинственного узника отправился к Господу и Сен-Мар.

Итак, граф встретился с сыном Сен-Мара. Но оказалось, он не знает ничего, хотя много раз пытался вывести тайну.

Отец никогда не разрешал ни ему, ни его сестре посещать камеру, где сидел таинственный узник.

Самого узника он увидел лишь однажды, в Бастилии, когда по просьбе матери должен был что-то передать отцу. Он ждал отца за дверью камеры, где сидел узник. Отец вышел, и на мгновение через открытую дверь он увидел сидевшего за столом человека. Человек был в черной маске, закрывавшей все лицо... Отец сурово прерывал всякие расспросы об узнике. Даже будучи на смертном одре, Сен-Мар остался неумолим. Несмотря на мольбы сына, он не открыл тайну. Он лишь сказал: «Клятва на Библии, которую я дал своему королю, священна».

Единственное, что узнал граф Сен-Жермен после разговора с сыном Сен-Мара, — место, где похоронили узника. Это была церковь Сен-Пол.

Граф отправился к церкви. Он провел у могилы целый день.

В его «Записках» об этом сказано очень кратко. Однако много позже граф сделал интересную запись. Он пишет, что «покойники долгое время продолжают «жить», точнее, живет их сознание (если употреблять наши примитивные земные понятия), несмотря на непрекращающийся процесс разложения тела. Причем у тех людей, которые не приготовились к смерти, чья жизнь была прервана насильственно и внезапно, эта «жизнь во гробе» протекает достаточно долгое время... В своем сознании они продолжают жить и даже исполнять то, что прервало убийство». Какое отношение имеет эта запись графа к его посещению могилы, мы можем только догадываться. Но достоверно известно лишь одно: вернувшись с кладбища, граф затворился в своем доме у Люксембургского дворца. — Здесь месье Антуан понизил голос. — Он расставил масонские символы на столе и двое суток просидел в кабинете.

На третий день он отправился к Марии-Антуанетте. Он был очень печален. Он сообщил ей, что по-прежнему не может сказать, кто скрывался под бархатной маской.

— *Не можете...* или *не хотите?* — спросила Антуанетта.

В ответ граф только молча поклонился. Но потом продолжил:

— Но я точно знаю, Ваше королевское Высочество: умирая, этот узник проклял род Бурбонов. К сожалению, проклятые дни наступают, и Господь сподобил вас жить в эти дни. Будьте осторожны... очень осторожны.

Здесь месье Антуан усмехнулся и добавил:

— Граф Сен-Жермен видел будущее так же ясно... как прошлое.

За окном стемнело. Зажглись фонари на площади. Все тот же слуга принес бронзовый канделябр, поставил на клавесин и зажег свечи. В их колеблющемся свете лицо месье Анту-

ана стало зыбким. Я все больше испытывал ощущение, что мне все это снится! Но он продолжал рассказывать глуховатым голосом:

– Перепуганная Антуанетта рассказала мужу о проклятии. Дофин, этакий милый, аморфный теленок, успокоил ее. Но она потребовала, чтобы он еще раз поговорил с королем и узнал наконец правду, кто был этим грозным узником. Но главное – почему он проклял Бурбонов. Дофин опять заговорил с королем. Простодушно рассказал о визите Сен-Жермена и о проклятии. Но вновь спросить деда о том, кто был этой Железной Маской, дофин не смог. Король неожиданно пришел в бешенство. Он прервал его и повелел дофину «впредь никогда не затевать разговор об узнике... и немедленно перестать принимать мерзавца графа Сен-Жермена».

То, чего не сумел сделать своими доносами министр Шуазель, случилось в одно мгновение.

После ухода дофина король немедленно вызвал герцога Шуазеля. Он попросил его вновь повторить доказательства, что граф Сен-Жермен – шпион и еретик. Когда Шуазель только начал говорить, король нетерпеливо прервал его:

– Я всецело согласен с вами, – сказал Людовик. И повелел немедленно арестовать графа Сен-Жермена. Было приказано утром без суда и следствия отправить графа в Бастилию.

Но уже на рассвете карета Сен-Жермена выехала из роскошного особняка у Люксембургского дворца, который арендовал граф. Карета в сумерках наступавшего осеннего дня миновала заставу Сен-Дени.

В полдень, когда к дому графа подъехали драгуны с арестантской каретой, граф Сен-Жермен был далеко от Парижа.

Сен-Жермен, как я уже много раз вам говорил, знал будущее.



## Граф Сен-Жермен: путешествия по миру

Вскоре король нашел у себя на столе весьма изумившее его письмо от графа из-за границы. Граф извинялся за то, что не последовал примеру святого Дениса и не принес собственную голову и что вместо этого осмелился покинуть Францию. Но, покидая страну, он хотел бы сделать для короля последнее доброе дело. Граф просил его прочесть и понять письмо, которое оставил для него перед смертью некто Дамьен, четвертованный на Гревской площади.

(Имя бедного Дамьена тогда знала вся Франция. Это случилось поздним вечером: король направлялся к карете, чтобы отправиться в Париж на маскарад и там славно повеселиться, отыскав очередную прелестницу. Был холодный зимний вечер, и король надел редингот. Он уже поставил ногу на подножку кареты, когда к ней бросился простолюдин по имени Дамьен. Проскользнул мимо ошарашенных гвардейцев к королю и нанес удар кинжалом. Редингот короля был на меху, оттого удар не получился. Лезвие не задело ни одного драгоценного монаршего органа, лишь слегка поцарапало кожу.

На мучительную казнь Дамьена собрался посмотреть весь Париж... Окна, глядевшие на эшафот, сдавались за бешеные деньги. Самые знатные красавицы щеголяли в этих окнах роскошными туалетами. Не обошлось и без галантных происшествий. Казанова рассказывает в мемуарах, как некий хитрый малый, сопровождавший даму, получил повеление дамы приподнять ее платье, чтобы оно не волочилось по пыльному полу. Он приподнял его довольно высоко и, прикинув сзади, умудрился насладиться любовью, в то время когда Дамьена четвертовали.

Впрочем, его примеру следовали и другие, испытав высшее наслаждение, когда стоны нестерпимой боли казнимого соединялись со стонами любви. О человечество, о разумные обезьяны!

Тело Дамьена разодрали на части мчавшиеся в разные стороны лошади королевских гвардейцев.)

«Вас, конечно же, заинтересует, сир, – писал королю Сен-Жермен, – откуда я знаю о существовании письма. Ваше Величество, вам придется поверить – **оно приснилось!** Чей-то голос читал мне это письмо, о котором прежде я ничего не знал. Потом я отчетливо увидел некое видение. Это был обычный эшафот, но на нем было воздвигнуто необычное сооружение с висящим топором, который падал на приговоренных, беспомощно лежавших под дьявольским орудием смерти. Но самое ужасное – на эшафот стояла длиннейшая очередь обреченных, и в ней были хорошо знакомые вам лица... И подводил к эшафоту странный человек в маске. Нет, не в маске палача, но в черной бархатной маске... Вы конечно же знаете об этом человеке, проклявшем перед смертью ваш род».

Прочитав послание графа, король пришел в бешенство и изволил разбить любимую китайскую вазу. После чего спросил о письме Дамьена. Оказалось, письмо и вправду существовало, его просто не осмелились передать королю. Письмо принесли, и король прочел его. Дамьен писал:

«Я глубоко скорблю, Ваше Величество, что имел несчастье к Вам приблизиться и посмел причинить Вам боль. Но если Вы, Ваше Величество, не задумаетесь над несчастьями бедняков, то, может быть, дофин будет последним нашим королем... Он и хорошо знакомые Вам лица неизбежно отправятся на тот же эшафот, который нынче ждет меня, и потеряют драгоценную жизнь, как должен буду потерять ее я».

Король постарался расхохотаться и сказал: «Однако какой глупец. Пугать будущим! – Именно тогда он добавил ставшее знаменитым: – Да после нас – хоть потоп!» Однако велел

Шуазелю разузнать, куда направился граф Сен-Жермен, и «решить дело наглеца наилучшим образом».

Сообщили, что в последний раз графа видели в Булони, где он зафрахтовал корабль в Англию. В Лондон был направлен знаменитый наемный убийца барон Мариньяк. Одновременно у англичан потребовали выдачи графа Сен-Жермена. Но граф в это время уже был в Амстердаме. Шуазель потребовал того же от голландцев, они промолчали, и Мариньяк, этот несравненный мастер «плаща и кинжала», выехал в Амстердам. Но граф в это время уже был в России. Король слишком ценил услуги Мариньяка, он и вернул его в Париж. Сказав при этом, что Сен-Жермен и без того наказан бегством в страну «медведей, снегов и свирепых варваров, вырядившихся в камзолы».

Как я уже рассказывал, граф Сен-Жермен благополучно добрался до Петербурга и там участвовал в перевороте. Маркграф Брандербург-Аншпахский рассказывает в мемуарах, как любовник Екатерины, душа переворота Григорий Орлов, представил ему Сен-Жермена. Орлов сказал без обиняков: «Перед вами человек, сыгравший важную роль в нашей революции». В вашей будущей книге (откуда он знал, что я писал в это время о Екатерине!) можете написать:

«В 1762 году, тотчас после смерти императрицы Елизаветы, граф Сен-Жермен появился в России. Вместе с «человеком со шрамом», гвардейцем Алексеем Орловым, участвовал в перевороте... Как известно, был составлен заговор. Однако Екатерина вела себя, как и положено осмотрительной немке, то есть в высшей степени нерешительно. Остальные заговорщики действовали как богатые аристократы, то есть боялись рисковать.

Лишь четверо гвардейцев, братья Орловы, жаждали действовать по-русски, то есть напролом. Сен-Жермен, великолепный астролог, вычислил благоприятный день. Накануне этого дня он решил «запалить фитиль»: попросту выдал одного из заговорщиков – офицера Пассека. Как он и предполагал, весть об аресте Пассека тотчас подстегнула остальных заговорщиков, заставила начать немедленно действовать.

Огромная заслуга братьев Орловых в успешном перевороте вознесла вчерашних гвардейцев на вершины власти. Страстная любовь Екатерины к Григорию Орлову уверила братьев в ее совершенной покорности, и они даже задумали женить Григория на императрице. Сен-Жермен тщетно пытался излечить их от опасного ослепления. Он говорил им, что Екатерина прежде всего императрица, а потом уже женщина. Объяснял, как неверна милость властителей и кратка их благодарность. Но гвардейцы плохо знали и историю, и Екатерину. Они не смогли оценить ловкость, с которой государыня ускользнула от настойчивых брачных предложений Григория.

Уже в следующий свой приезд в Россию Сен-Жермен с печалью застал своих друзей совсем в ином положении. Князь Григорий был изгнан из постели императрицы. Что же касается Алексея, то Екатерина, справедливо опасаясь этого гиганта, придумала держать его подальше от Петербурга. Алексей Орлов был отправлен на войну с турками. Вчерашний гвардейский офицер, до сего дня не садившийся даже в шлюпку, возглавил русскую средиземноморскую эскадру.

Его корабли готовились сразиться с турками в Чесменской бухте. «Я не поручил бы ему ни жены, ни дочери, но я мог бы свершить с ним великие дела», – справедливо сказал о нем один из его друзей. Граф Сен-Жермен не оставил друга. Под именем генерала Салтыкова он присоединился к графу и участвовал в этой знаменитой битве. Он был на корабле «Святой Януарий» вместе с родным братом Алексея Федором.

– Постарайтесь представить, – сказал месье Антуан, – тот великий день. Вдали даже без подозрительной трубы виден остров Хиос и уже в подозрительную трубу... видно, как справа темнеет азиатский берег... Между ними на якорях... встали корабли турецкой эскадры. На правом фланге красавец фрегат... корабль капитан-паши.

Но я видел только глаза – глаза без ресниц месье Антуана. Стекланные глаза недвижно смотрели в одну точку, он рукой в перчатке указывал в пустоту, шептал: «Ну как же... вон же они, сударь... Выстрел пушки... сигнал к нападению... Корабли Орлова легли в линию... Они движутся, плывут вдоль турецкой эскадры... Грохот... Осыпают ядрами... И получают огненные ответы. Проклятье! Дымом заволокло!.. Теперь видно! «Януарий» Орлова... сближается с кораблем капитан-паши... Не вышло... испугались сесть на мель... «Януарий» отошел назад... Кричит Орлов – велит снова сближаться. Грохот пушки... Паруса повреждены... «Януарий» несется на турецкий флагман. Все ближе... столкнулись бортами... Какой грохот! Рушатся мачты... Пошли на abordаж... Русские матросы – на корабле турок... Дым вырывается из кубрика... Турецкий корабль горит. Сейчас взлетит на воздух. Федор Орлов кричит: «Все назад!»

Матросы бросились обратно – на свой фрегат... Успели! На «Януарии» граф Сен-Жермен кричит Федору Орлову: «Нет! Нет! Прочь с корабля! Он взлетит на воздух! Шлюпки на воду!!»

Успели! Шлюпки отплывают, и... И – взрыв! Невиданной силы. «Януарий» взлетел на воздух... Гигантский огненный шар... Врезается в корабль капитана-паши... Грохот, светопреставление!

Месье Антуан замолчал и с обычным удивлением уставился на меня. Он вернулся на нашу грешную землю 1988 года... Наконец сказал:

– Горящая мачта с корабля капитан-паши рухнула на палубу «Януария». Искры, видимо, посыпались в пороховую камеру, открытую во время сражения... И взорвался корабль... Друг графа Федора князь Козельский не поверил Сен-Жермену, остался стоять у штурвала. Храбрец захотел увидеть гибель обьятого огнем корабля капитан-паши. Решил поиграть со смертью и покинуть корабль в последнюю минуту, на четвертой шлюпке. Но там и сгорел.

Увидев взлетевший на воздух «Януарий». Алексей Орлов был уверен, что его брат погиб вместе с кораблем. Какова же была его радость вновь обнять брата... Сражение закончилось полной победой Алексея Орлова. Никогда вражеский флот не терял столько людей и кораблей... Чесменский порт был усеян обломками турецких кораблей. Обгорелые трупы на воде среди дымящихся корабельных обломков... Это было величайшее морское сражение века. Жаль, что вы всего этого не видели, – сказал месье Антуан и продолжил: – После Чесменской победы графа Сен-Жермена видели сначала в Венеции, потом в Пизе. Там он жил в великолепном мраморном дворце Алексея Орлова. Впрочем, об истории, произошедшей в Пизе, Сен-Жермен рассказал только в «Записках»!

## Последняя из рода Романовых

В это время в Италии появилась загадочная красавица. Она выдавала себя за дочь императрицы Елизаветы от тайного брака с ее любовником графом Алексеем Разумовским. Если знать, что Павел I был рожден Екатериной от князя Салтыкова, сия красавица оказывалась последней из рода Романовых.

В ее руках было убедительно подделанное завещание императрицы Елизаветы, передававшей ей трон русской империи. Впоследствии ваша императрица Екатерина честила ее побродяжкой, но зря. Никто не знал истинного происхождения красавицы, но ее тогдашнее положение в свете было завидное. Ей сделал предложение князь Лимбург, и она стала невестой князя Священной Римской империи. Кстати, куда более родовитого, чем родители Екатерины. О завещании Елизаветы эта смелая дама объявила в опаснейшее для императрицы Екатерины время Пугачевского бунта. Она называла Пугачева, объявившего себя спасшимся Петром III, родным братом, писала ему приказы и забрасывала врага Екатерины султана требованиями о помощи. Вокруг нее вертелось множество поляков, ненавидевших Екатерину, пожравшую несчастную Польшу. Граф Сен-Жермен встретил нашу красавицу в Венеции. Она уже знала о дружбе Сен-Жермена с Алексеем Орловым и упростила его передать Орлову ее послание. Она писала Орлову о своих правах на русский престол и приглашала встретиться.

В это время Европа была наслышана о переворотах в России. Знали, что достаточно сотни верных гвардейцев, чтобы занять престол самой большой страны в мире. И красавица верила: тот, кто посадил на трон одну императрицу, посадит и другую. Тем более что та отплатила ему неблагодарностью.

Сен-Жермен отказался передать письмо, пытался ее отговорить от встречи с Орловым. Но не только потому, что знал ее будущее. С ним случилось частое для смертных и необыкновенное для графа – он влюбился. Граф Сен-Жермен, соблазнивший красоток без числа, был влюблен только в двух женщин. Это были Мария-Антуанетта и наша красавица. И в обеих безответно. Он конечно же знал, что она самозванка, но... Она была обольстительна. Необыкновенное лицо. Оно горело лихорадочным румянцем и вдруг становилось бледным, как снег! У нее был профиль итальянки с иссиня-черной копной волос и тонким носом с горбинкой, но... вот она повернулась... глядит прямо на вас, и перед вами очаровательная веснушчатая славянка с огромными зелеными глазами русалки!! У нее все время менялось лицо... Постоянным было лишь ее тонкое тело с длинными стройными ногами (она обожала мужские костюмы) и тонкими пальцами пианистки. Тело это все время жаждало любви. И ее любовь... – Здесь месть Антуан усмехнулся и сказал с какой-то беспредельной грустью: – ...ее нельзя забыть. Но, даже владея этим божественным горячечным телом, вы не могли никогда завоевать ее. Она... как линия горизонта... она всегда далеко от вас. Но с ней... незабываемо! Она была великолепно образованна, прекрасно играла на клавесине, замечательно рисовала. Сен-Жермен, будучи сам искусным и в музыке, и в живописи, наслаждался ее обществом.

Она продолжала просить его устроить ей встречу с Алексеем Орловым. Но он был неумолим.

Тогда, минуя Сен-Жермена, она сумела передать письмо графу Орлову. Излишне говорить, что уже вскоре красавица оказалась в Пизе, в мраморном дворце Орлова. Граф арендовал дворец, принадлежавший семье Медичи, столь хорошо знакомой Сен-Жермену.

В необъятной кровати красного дерева, принадлежавшей когда-то Лоренцо Медичи Великолепному, все и случилось.

В те дни в театре давали новую оперу Сальери. Сен-Жермен был в театре. Но, как и весь зал, не смотрел на сцену. Он глядел на ложу, где разыгрывалось представление куда блистательнее. Алексей Орлов в камзоле, усыпанном бриллиантами, и принцесса в нежно-голубом платье, с оголенными, какими-то незащитными хрупкими девичьими руками, в бесподобном ожерелье из сапфиров. За ними, в глубине ложи, как бы в почетном карауле, выстроились русские офицеры в парадных мундирах. Сен-Жермен узнавал лица героев Чесмы. В лорнет он отчетливо видел лицо Орлова. Алексей Орлов смотрел на нее безумными, хмельными от любви глазами.

На следующий день Сен-Жермен увидел, как влюбленная парочка, обнявшись, каталась вдоль реки в роскошной коляске с золотым гербом Орлова. За коляской графа ехала другая – с театральными музыкантами, игравшими нежные мелодии модного итальянца Сальери. Замыкала поезд Любви третья коляска – с эскортом морских офицеров. Сомнений не было – она победила. Граф Орлов был страстно влюблен, впрочем, как и все мужчины, которых она решала подчинить. К ее блестящей коллекции разбитых сердец присоединилось и это могучее сердце. Она получила русский флот.

Сен-Жермен наблюдал происходящее с изумлением: обезумевший от любви Алексей Орлов не мог совершить то, *что Сен-Жермен ясно видел в ее будущем...*

На следующий день граф Сен-Жермен уехал в Венецию. Но вскоре ужасные слухи заставили его вернуться в Пизу. В Пизе он все и узнал! В первый и последний раз всепонимающий, всезнающий граф Сен-Жермен так обманулся. Оказалось, несколько дней назад граф Орлов предложил красавице руку и сердце.

Он отвез ее на адмиральский корабль русской эскадры – торжественно венчаться. Но вернулся с корабля на берег граф Орлов один. На следующий день на рассвете русская эскадра поспешно снялась с якоря и покинула Ливорно. И более несчастной никто не видел. Она исчезла вместе с русским флотом.

Сен-Жермен отправился во дворец графа. (Всю последующую сцену он описал в «Записках».)

Во дворце шли сборы, стояли раскрытые сундуки, и слуги укладывали в них бесчисленные камзолы графа. Алексей Орлов возвращался в Россию.

Сен-Жермен нашел Орлова в кабинете, у огромного стола, заваленного бумагами. Он был пьян. Но уже не от любви. Огромный, до дна опорожненный штоф водки стоял на столе. Рядом другой – тоже пустой. Орлов сказал: «Гляди, Ваше сиятельство. Здесь ее бумаги, весь стол заняли. Кому только не писала. Султану... Королю шведскому... Королю прусскому – всем нашим врагам. – Он перебирал письма. – А это уже к ней... Польская нечисть ей пишет. Все мятежники – Огинский, Радзивилл... Но никаких доказательств о высоком рождении! Никакой бумажонки! Одна пыль в глаза... Самозванка она! Не ошибся... Но девка небывалая! Я нам с вами завидую... и всем нам, кто ее ёб. Что смотришь, граф... Венчаться со мной на корабль позвал. Там мы ее и арестовали. Теперь к матушке-императрице везут... в крепость. Очень авантюра сия государыню волновала. Велела матушка своему рабу привезти ее! Я исполнил! Обманул я девку, Салтыков. Впрочем, какой ты Салтыков! Ты думаешь, наше имя взял и нашим стал? Шалишь! Ты рабом стать сможешь? То-то! Великое это искусство!! Но ох непростое! Хотя мы все им владеем, все с рождения наделены! Все холопы... Красавица княгиня Лопухина императрицу Елизавету на бале затмила, та язык ей велела отрезать. Знай, холопка, свое место! Императрица Анна Иоанновна по щекам придворных дам била. Чуть недовольна – по морде. А они ее руку, оплеухи раздававшую, целовать спешили. А в шуты себе императрица отрядила самых родовитых. Князь Волконский, князь Голицын, граф Апраксин. И все они, потомки великих родов, согласились. И когда импера-

трица шла с придворными мимо, потомки великих родов должны были блеять и кукарекать. И блеяли и кукарекали, а она им углем на морде усы рисовала и со смеху помирала. Князя Голицына, потомка королей Гедиминовичей, на уродке-карлице женила, шутовскую свадьбу устроила. Князя с уродиной в клетке в церковь на слоне везли, а гости из диких народностей на собаках и свиньях за ними ехали. И князь, потомок королей, от калмычки-уродины произвел на свет потомство. И могучие родственники поношение фамилии терпели, потому как мы – рабы. Так что девушку любимую отвезти к матушке-царице мне очень даже нетрудно... **Мы служим государям нашим не по-вашему!** Вон ты рассказывал, как железную маску на опасного человека надевать придумали. А у нас императора всероссийского Иоанна Антоновича без всякой маски в тюрьме десятилетия держали и, когда надо, удавили. Мы холопы царя сегодняшнего, но для вчерашнего, безвластного, мы звери лютые. Я вот этой самой рукой свергнутого внука Петра Великого удавил. Как его горлышко жалкое хрустнуло... помню! Прощай, граф, и не поминай лихом верного раба царицына Алешку Орлова!

И, как рассказали потом Сен-Жермену, всю ночь Алексей Орлов бил зеркала... за отражением своим охотился. Так что Сен-Жермен понял – он не ошибся. Граф Алексей Орлов любил самозванку. Любил ее страстно, но... увы, по-вашему!

## Предсказания

Граф Сен-Жермен продолжил ездить по Европе. Не забывая время от времени появляться во Франции.

После смерти маркизы де Помпадур к постаревшему королю пришла последняя любовь. В Версале появилась другая Жанна. Это была Жанна-возмездие, истинная карикатура на Жанну Помпадур. Такая же божественная фигура, столь же безупречный овал лица, столь же ослепительно-белая кожа, такая же копна белокурых волос, которую не удержат двумя руками... Но при этой красоте она была фантастически необразованна, глупа и с самым неудобным прошлым. Ее взял из борделя некто граф Дюбарри, пройдоха и картежник. И когда ему не везло за карточным столом, расплачивался с кредиторами ее прелестями... Я не буду пересказывать всю ее историю и как она попала на глаза королю Людовику. Но ее прошлое, столь богатое бесчисленными мужчинами, оказалось главным достоинством. Ибо вскоре Король Любви с восторгом сказал фразу, оставшуюся в анналах Галантного века: «Мне шестьдесят, я любил очень и очень многих! Но она, мое сокровище, научила меня таким любовным изыскам, о которых даже я не подозревал». Она была безмерно простодушна и безмерно развратна! И уже вскоре счастливый французский народ весело запел:

– Ах, плутовка, старого развратника заманила ловко.

Как тогда сказал Сен-Жермен: «Это и есть наказание истинных ловеласов. Их первая любовь никогда не бывает последней. Зато последняя любовь часто бывает первой. И, как правило, самой постыдной». Влюбившийся король устроил ее брак с младшим братом графа Дюбарри. Новоиспеченную графиню следовало представить ко двору. Придворные дамы дружно сказывались больными, никто не хотел представлять свету вчерашнюю шлюху.

Именно тогда и произошел таинственный эпизод, описанный в мемуарах современников.

Мария-Антуанетта, тогда еще дофина, открыто ненавидела бывшую потаскуху. Как-то ночью красотка Дюбарри с подругой шли по версальскому парку и встретили проходившую мимо дофину. Антуанетта молча прошептала мимо, а Дюбарри сказала спутнице:

– Ты видела, как посмотрела гордячка Антуанетта! Испепелила меня взглядом. Поверь, она с удовольствием отправила бы меня на костер!

В этот момент мимо них в темноте проскользнул мужчина, который прошептал:

– Да нет, сударыня, вы умрете куда обыкновенней. Вас убьет топор... Как, впрочем, и т у, несравненную, несчастную...

Он не договорил и замолчал.

Обе испуганно обернулись и в свете луны увидели... лицо графа Сен-Жермена. Он смотрел на них с невыразимой печалью. Уже в следующее мгновение исчез в темноте.

Известно также, что в семидесятых граф вновь тайно появился в Париже, чтобы встретиться с Марией-Антуанеттой! Все та же придворная дама Антуанетты, любовница Сен-Жермена графиня д'Адемар пишет об этом в своих мемуарах: «В те дни Людовик XV заболел оспой... врачи объявили ему, что он безнадежен. Король должен был подготовиться к встрече с Богом – покаяться и получить отпущение грехов. Но для этого королю надо было отослать из дворца свой самый любимый и самый сладостный грех – красотку Дюбарри. Людовик написал ей трогательное прощальное письмо. Но уже на следующий день почувствовал себя лучше. Он тотчас захотел призвать свой грех обратно. Но красотка, боявшаяся оспы, уже укатила из дворца в свое имение.

В этот же день графиня д'Адемар провела к Антуанетте графа Сен-Жермена.

– Я много слышала о ваших способностях. И хочу у вас узнать: король выздоровеет? – спросила графа Антуанетта.

– Нет, король умрет... Очень скоро... Царствовать будете Вы, Ваше королевское Высочество.

Она испуганно посмотрела на него и как-то нерешительно сказала:

– Тогда попробуйте предсказать... нашу судьбу на троне?

Сен-Жермен долго молчал, потом сказал:

– Есть рок, Ваше Высочество... Но Господь дает нам свободу воли – возможность его преодолеть. И перед нами всегда два пути. Один предначертанный, но не неизбежный... И второй, когда усилием воли, чувствуя беду, уготованную судьбой, человек меняет предначертанную судьбу. Вам придется от многого отречься, чтобы изменить назначенный вам путь!

Месье Антуан еще что-то говорил, но я уже не слышал. Я опять мог патетически прокричать: «Я вижу... я вижу!»

Я видел! Булыжник... перед дворцом. Люди меня окружали, но их я не видел. Я знал – это толпа придворных. Стоят перед дворцом в Версале. Глядят на окна королевской спальни... Знал, что к больному оспой королю не пускают. Боятся эпидемии.

Я видел окно спальни – за стеклом горела огромная свеча... Рядом со мной стоял кто-то, была видна рука в кружевных манжетах... Рука лежала на эфесе шпаги... Наступали сумерки... Свеча в окне горела ровным светом... Потом кто-то подошел к окну и задул свечу. Толпа заревела, и!..

Тотчас исчезла картинка, раздался голос месье Антуана. Сказал насмешливо:

– Орут: «Король умер и да здравствует король!» Новый... Несчастный... нет, несчастнейший Людовик XVI!

Граф Сен-Жермен покинул Париж той же ночью. Продолжал ездить по Европе. Наконец осел в герцогстве Шлезвиг у знаменитого покровителя алхимиков князя Карла Гессен-Кассельского. Он «не выезжал никуда из герцогства», как пишут историки. Однако в 1783 году никуда не выезжавшего графа дважды видели в Париже. Графиня д'Адемар подробно описывает свою встречу с графом и его посещение королевского дворца. Всю дорогу в Тюильри граф молчал или односложно отвечал на вопросы графини. Она провела его в покои Антуанетты. В тот вечер Антуанетта тайно приехала из Версала в Париж на ночной маскарад в Оперу. Безумная в жажде развлечений, ночами она теперь часто тайно покидала Версаль и в Париже танцевала до утра и до упаду. Она была в знаменитой прическе из павлиньих перьев, которую недавно ввела в моду. Парикмахер Леонар, стоя на лесенке, делал последние штрихи на головке Антуанетты. Наконец он удалился. Граф тотчас начал говорить, на этот раз без обычных своих витиеватых любезностей. Он был очень бледен, говорил медленно, будто слушая чьи-то слова и повторяя их. Он сказал, что та смертельная опасность, которая грозит королевской семье и Франции, та беда, о которой он намекал прежде, она «уже на дворе». Антуанетта слушала нетерпеливо. Торопливо поблагодарив графа за заботу, велела закладывать лошадей. Она спешила. На маскараде в Опере ее ждал любовник, шведский дворянин граф Ферзен по прозвищу «Картинка», самый красивый мужчина века.

Графиня д'Адемар вывела Сен-Жермена тайным ходом на площадь Карузель.

Она пишет в мемуарах: «Было совсем темно. Сен-Жермен постоял на площади, потом сказал: «Я больше не увижу нашей Прекрасной Дамы... Но такой же ночью, тем же тайным ходом наша бедная Антуанетта в платье служанки выйдет на эту площадь Карузель, чтобы бежать из собственного дворца... И в карете за кучера будет сидеть тот, к кому она сегодня так стремится...» Так оно и случилось! Это произошло уже после революции, во время неудачного бегства королевской семьи. В огромной карете, в которой они бежали из Парижа, за кучера сидел ее любовник, граф Ферзен... Но это все будет потом. А тогда у нас на дворе стоял 1783 год, и Людовик XVI еще правил Францией.



– В ноябре того же 1783 года, – продолжал месье Антуан, – братья Монгольфье запустили первый воздушный шар с людьми... Вы его уже видите!

...Огромный светло-голубой шар высотой метров тридцать. На шаре вызывающе-ярко, каким-то нагло-желтым цветом – монограмма Людовика XVI. Теперь шар был уже в воздухе... медленно летел над Парижем. Летел на небольшой высоте – на высоте взмывшей ввысь птицы. В корзине в серых камзолах для прогулки, в париках без шляп – двое. Один из них учтиво поклонился и помахал рукой. И тогда кто-то рядом со мной... я почему-то видел только его локоть, спину и шляпу, снял эту шляпу и ответно помахал ею в воздухе...

Шар уносил корзину... Они пролетели надо мной и медленно растворились в небе... В небе 1783 года! И я услышал голос месье Антуана:

– Граф Сен-Жермен, стоя рядом с вами, приветствовал пролетавшего над ним маркиза д'Арланда, своего друга. Великий ловелас и спортсмен маркиз д'Арланд пролетел над Парижем. Шар загорится в полете, но они погасят огонь, эти двое в корзине... Первые люди, поднявшиеся в небо...

Я плохо его слушал, я был как безумный! Я видел небо 1783 года!

## Встречи после смерти

Месье Антуан продолжил свой рассказ:

– В январе следующего, 1784 года милейший художник, точнее, милейший человек, а художник он был не особенный... Жан-Батист Готье-Даготи по заказу князя Карла Гессен-Кассельского написал портрет графа Сен-Жермена. Тем не менее портрет вышел отменный. Князю Карлу портрет настолько понравился, что он заказал копию для своего брата, большого почитателя Сен-Жермена. Это тот самый портрет, который вы видите сейчас на стене.

Разглядывая портрет, князь спросил: «Сколько вам лет, граф?»

Сен-Жермен, прежде странно избегавший отвечать на этот вопрос, впервые ответил: «Мне минуло 88 лет. Я сообщаю вам об этом, Ваше Высочество, ибо в нынешнем, 1784 году я умру». Князь Карл был изумлен, потому что граф выглядел лет на сорок с небольшим, никак не более. Но к словам о смерти, зная способности графа, отнесся серьезно.

Так оно и случилось. Осталась лаконичная запись, сделанная в церковной книге маленького городка Эккенферда. Я нашел ее в городском архиве: «27 февраля 1784 года скончался граф Сен-Жермен». Принц Карл в своих «Воспоминаниях о моем времени» подтверждает эту дату. Но, как вы наверняка слышали, история на этом не закончилась.

В 1788 году, как сообщает в мемуарах все та же графиня д'Адемар, ее родственник маркиз Шалон встретил графа Сен-Жермена... в Венеции! Граф преспокойно сидел за столиком знаменитого кафе на площади Сан-Марко... Они долго беседовали. Сен-Жермен совершенно не изменился, только был вызывающе бледен среди опаленных южным солнцем смуглых горожан. В том же году Антуанетта в своем дворце в Трианоне нашла на столике в гостиной письмо от неизвестного лица. Когда королева показала письмо фрейлине графине д'Адемар, та тотчас узнала почерк Сен-Жермена! В письме, написанном белыми стихами (Сен-Жермен обожал этот жанр), говорилось:

Оно уже на пороге,  
Беспощадное Время,  
Когда с обезумевшей Францией  
Случатся беды  
И ваша несчастная страна  
Станет Дантовым адом.  
Безумие будет править людьми.  
Я вижу победу царства крови,  
Я вижу монстров, провозглашенных новыми богами,  
И отрубленные головы ваших друзей на пиках.  
Я вижу, как острое железо обрушилось на короны!  
Чего так желал несчастным Бурбонам Человек без Лица,  
Человек в бархатной маске.

Перепуганная Антуанетта тотчас отнесла письмо Людовику, но король только пожал плечами и рассмеялся:

– Я слышал, что граф умер. Я не знал, что мертвецы пишут письма, да еще в стихах.

Антуанетта опять спросила его о Железной Маске, и король рассказал. Оказывается, помня любопытство Антуанетты, он еще раз заговорил с дедом о странном узнике. Людовик XV, как и прежде, рассердился и промолчал, но через пару дней вдруг рассказал сам. Он повторил, что узник не представлял особого интереса. Действительно, он был обязан

носить маску. Под маской скрывали похищенного знатного итальянского вельможу, который слишком много знал и слишком много болтал. Кроме того, он бессовестно обманул великого короля (Людовика XIV). В заключение он еще раз попросил внука не тревожить его более разговорами об этой злосчастной и ничего не значившей персоне. Но для Антуанетты осталось непонятным: если узник ничего не значил, зачем было скрывать его лицо?

## **«И вот вы дождались страшных дней»**

В 1789 году в стране уже началась революция. Пала Бастилия, и Людовик написал в тот день в дневнике знаменитое: «Ничего», над этой записью будут много издеваться. На самом деле Людовик был страстный охотник и в дневнике всегда отмечал результаты охоты. «Ничего» – он написал о результатах охоты в те дни. Именно в тот яростно жаркий июльский день Антуанетта получила... письмо от покойного графа. «Мадам!.. И вот Вы дождались страшных дней, о которых я Вам писал. О том, чтобы уклониться от зла, теперь не может быть и речи. Молитесь, и, может быть, Всевышний помилует Вашу семью...» На этом письмо обрывалось. Подобное письмо получила и графиня д'Адемар. В конце письма к графине покойник... приглашал ее на встречу! Они встретились в церкви Святого Роха. На вопрос графини о его кончине Сен-Жермен промолчал. Потом сказал: «Я, как видите, живу. Но королева и король обречены на смерть. Монархию сменит республика, республику сменит империя».

Все последующие годы графиня д'Адемар писала мемуары. Кусок текста был вынут ею из рукописи и скреплен золотой булавкой. Видно, графиня захотела обратить особое внимание на этот текст, написанный характерными ровными, удлинёнными буквами. Она пишет: «В эти годы я несколько раз виделась с графом де Сен-Жерменом. Наши встречи были всегда неожиданными. Последний раз граф появился 10 августа, в день конца нашей великой монархии, – в самый страшный день штурма Тюильри. Даст Бог, мы снова увидимся! Я всегда жду его визита». – Месье Антуан замолчал. Некоторое время он сидел, будто ожидая чего-то... Потом тяжелые веки закрыли глаза, и он заговорил хрипло, мучительно:

– Десятое августа... Сейчас пять утра... Стотысячная толпа... Люди бегут ко дворцу... Какой невозможно жаркий день! Багровое солнце. За решеткой Тюильри швейцарские гвардейцы... добровольцы-аристократы... национальные гвардейцы... Окружают кольцом дворец... Готовятся отбить атаку...

Но король! Он не верит в удачу. Король решил сдаться... Отдать себя и семью под защиту своих врагов – Национального собрания. Сдаваться – недалеко. Национальное собрание заседает здесь же, совсем рядом с дворцом, в том же в саду Тюильри... – Глухой голос месье Антуана становится еле слышным. Теперь я... увидел!

...Руки на решетке... Тысячи рук мерно раскачивают ограду сада Тюильри... В саду люди со шпагами и пистолетами... Как много их – в красных ярких куртках, с ружьями... образовали коридор.

– Это дворяне и швейцарцы, – шепчет голос месье Антуана.

Я вижу их спины, промокшие от пота... Живой коридор тянется от дворца через весь сад Тюильри... поднимается по ступенькам на пандус... Здесь среди деревьев прячется зал для игры в мяч... Когда-то там развлекались король и придворные... Сейчас здесь заседает Национальное собрание.

По этому живому коридору движется процессия... Впереди толстый человек... Король!.. За его руку держится, то подпрыгивая, то вырываясь, мальчик-дофин... Опавшие листья собраны садовниками в кучи. Вот мальчик, смеясь, вырвался из отцовской руки и шаловливо, ударом ножки разорил кучку... За мужем и сыном, в белом платье, перехваченном высоким поясом, в шляпе с перьями, грациозно, будто танцуя, идет Антуанетта под руку с молодой красавицей...

Голос месье Антуана, но совсем странный, искаженный, будто в гулкой пустоте шептал:

– Герцогиня Ламбаль... Она любимая подруга Антуанетты... Чуть сзади... бледная молодая женщина. Она держит за руку испуганную девочку. Елизавета, сестра короля... дочь

короля, – шептал голос. – Сейчас они разговаривают... Вы не слышите... но слышу я... Король: «В этом году удивительно рано падают листья... Когда мы вернемся во дворец, надо непременно сделать замечание садовникам».

И в ответ кто-то сзади, не вижу кто:

– Вы никогда туда не вернетесь. Молитесь, Ваше Величество...

Обрушилась решетка сада Тюильри.

Я вижу: толпа... хлынула в сад. Окружила идущих... Швейцарцы, дворяне отталкивают напирающих... Толпа теснит живой коридор, сжимает. Раскрытые рты кричат, но я не слышу... Руки тянутся через плечи защитников... Испуганное мальчишечье лицо дофина... Семья уже у лестницы, ведущей на террасу... Там, наверху, – вход в зал. Но на ступенях лестницы вопящие женщины размахивают кулаками... Над их головами, совсем рядом с Антуанеттой... качается на пике... голова швейцарского гвардейца... Сверху, сквозь толпу, по лестнице навстречу королевской семье спускаются, пробиваются... вышедшие встречать депутаты... Испуганные глаза Антуанетты... Женская рука сорвала ее косынку... Руки тянутся к ней, пытаются вырвать ее из группы... Депутаты расталкивают толпу... Толпа остервенела, напирает... Швейцарцы... Какие-то два-три шага до спасительных дверей. Швейцарский гвардеец поднял ребенка над толпой, врывается с ним в вестибюль... За ним – королева, король... Вся группа протискивается в вестибюль Национального собрания... Толпа пытается ворваться следом. Один из дворян отражает натиск, пронзил шпагой нападавшего... Тотчас хватили топором по голове... Упал у входа... Захлопнулись двери Национального собрания... За порогом остались те, кто защищал Семью. Стоят с обнаженными шпагами. Теперь у толпы появилось дело... Убивают топорами... Под общий беззвучный гогот... будто выключен звук – одни разинутые рты... Рубят трупы. Как рубят туши на рынке... руки, ноги... Четвертовали, как когда-то беднягу Дамьена... Какой-то весельчак-гигант... придумал игру: швыряет ноги, руки в толпу... Головы на пиках взлетают ввысь...

Виден дым... бегущие по площади люди... Должно быть, грохот пушек и рев сотни тысяч глоток... но я ничего не слышу, только чей-то шепот:

– Началось! Штурм дворца Тюильри.

Я вижу разгромленный дворец... Я лечу над залами дворца. Сломанная мебель вперемишу с трупами... выбитые окна... разбитые зеркала... Трупы повсюду... Я достиг ее спальни... Вещи разбросаны по комнате – чулки, подвязки, платки, сорочка. И груда женских туфель. «Платья украли, – шепчет голос. – Поосторожней, не наступите!» – Я чуть было не наступил на ожерелье, валявшееся на полу, – жемчуг Анны Австрийской... – «Она оставила его для будущих королей Франции», – слышался шепот. И чья-то рука в камзоле торопливо схватила жемчуг.

И опять услышал шепот:

– Какой день! Восьмисотлетняя монархия исчезла в несколько часов, 33-й король Франции низложен, и королевскую семью поместили в башню дворца Тампль... В этом дворце когда-то играл маленький Моцарт. Незадолго в Вене его увидела очаровательная маленькая эрцгерцогиня Антуанетта... Она так понравилась мальчику, что Моцарт предложил ей руку и сердце... Как потешались придворные: нищий маленький музыкант, предложивший руку наследнице властителей Римской империи. Но, прими его предложение, была бы живой, – все шептал голос. – Солнце зашло... гигантский багровый шар, обещая такую же завтрашнюю жару, пал за горизонт. Люди, свершившие революцию, сейчас расходятся по домам. Народ напился кровью досыта. Никто тогда не знал, что революцию кровью не насытишь... Она вечно жаждет – убивать. Своих врагов и своих детей! И он наступил, день 10 сентября. День новой крови, день радостного побоища, голодного до смертей, свободного от узды народа. Теперь вы научились... вы поймали... Вы видите!

Я увидел огромные ворота. У ворот – горка из трупов... Здоровенный парень взгромоздился на эту горку мертвецов, очищает карманы убитых, снимает перстни с пальцев... и кровь сочится из-под его сапог... течет по булыжнику.

«Это вход в тюрьму Ла Форс!.. Толпа поджидает... тех, кого помилует правосудие», – шептал голос.

Огромная толпа сгрудилась у входа... Из ворот тюрьмы выходит на улицу она... Боже мой – та самая красавица принцесса Ламбаль. Общий рев. Топор летит ей в голову.

Упала, набросились. Вмиг раздели... Кто-то заслонил спиной. Насилует умирающую... Пьяное, изуродованное шрамом лицо... Харя. Под ним – неподвижное лицо принцессы... Теперь насилуют умершую...

Игра с трупом принцессы продолжается. Двое держат ее голое тело, третий прибивает гвоздями руки к доске... Подняли распятое, голое тело... Что-то обсуждают! Деловито отрубили голову.

Голова лежит на булыжнике мостовой. Вырезают сердце... Не забыли о желанном органе, вырубил его вместе с куском окровавленной сорочки... Несут!.. Остановились по пути у какого-то дома... Навстречу выходит некто в белом фартуке, с щипцами в руке... Распахнутые в безмолвном хохоте рты... Он завивает локоны на голове, обрызганной кровью и грязью...

И я смотрю, боясь потерять сознание... А они уже принесли свои пики... И на пики накалывают мертвую голову с безумными развевающимися локонами, кровоточащее сердце и кусок женской плоти вместе с сорочкой.

Бегущие картинки стремительны. Антуанетта в Тампле в кружевном чепчике, в коричневом платье с белым воротничком.

Вопли за окном – чего-то требуют. Кто-то торопливо закрывает ставни... Внизу у входа в башню вывешивают трехцветную ленточку.

И как волки не могут пройти за флажки, толпа с пиками останавливается, топчется перед трехцветной ленточкой – цветами революции...

Трое с пиками лезут на крышу дома напротив башни Тампля. Голова принцессы, измазанная кровью, с завитыми локонами, сердце и кровавая сорочка с куском плоти пляшут на пиках против окон.

В башне перед закрытыми ставнями Антуанетта лишилась чувств...

И опять шепот... «Свершилось! Проклятие узника в маске!.. Гильотина и сошедший с ума народ ждут Бурбонов».

Я видел... Все пространство так хорошо знакомой мне площади Конкорд – безмолвно ревушие человеческие плотки...

Счастливые, радостные лица. Король стоит на эшафоте – толстый, с выпадающим животом, в нижней рубашке, этакий добрый буржуа перед сном... Неуклюже укладывается на доску... Лежит... толстый, живот висит по обе стороны доски, и... Сверху с грохотом полетел... топор. Удар... Глухой стук. Голова короля в корзине. Рев толпа. Палач, пританцовывая, обносит эшафот королевской головой. Руки с платками тянутся к эшафоту... Он кропит их королевской кровью... Узкая улица Сент-Оноре, такая знакомая, заполнена народом... Громыкает телега... Антуанетта со связанными руками... сидит на высоком стуле в грязной телеге... Качается вместе с телегой от неровностей булыжника... Жандармы на конях с обеих сторон... Телега пробирается в густой толпе... Руки тянутся – тащить ее со стула... Озверевшие лица... Плюют ей в лицо... Я хочу ее рассмотреть, запомнить... Не успеваю – проехала телега... Художник спиной ко мне сидит у входа в кафе за столиком... торопливо набрасывает с натуры. Я вижу из-за спины его рисунок. На рисунке в белом пла-

ть, белом чепце с черной траурной лентой – старая некрасивая женщина. Боже мой, Антуанетта! С прямой спиной, узким носом, выпяченной губой и надменным лицом повелительницы...

Та же площадь, так же до краев заполненная толпой... Такие же счастливые, радостные лица в безмолвном вопле... Палач выставил руку с ее головой...

Он держит ее за остатки стриженных жалких седых волос... Капает кровь... Тянутся руки с платками... И тогда голова... открывает глаза! Ужас на лицах, закрылись безмолвно вопящие рты. Лазоревые глаза недвижно глядят на толпу. Я очнулся. Месье Антуан сказал:

– Это посмертное сокращение мышц... Такое бывает, правда редко. Несчастливая королева. Счастливая королева. Что такое Антуанетта без гильотины?.. Жалкая кокетка на троне... Но зато с гильотиной... Есть список самых популярных в мире французов. Ненавистная «австриячка» идет на втором месте – вслед за корсиканцем Наполеоном... О человечество!..

Я ничего не ответил. Я был ТАМ?!

– Жаль... – сказал месье Антуан, – но более сегодня не смогу вас побаловать путешествием ТУДА... Я истощен... (Значит, *все-таки* он?! Благодаря ему?!)

Месье Антуан усмехнулся.

– На сегодня довольно, – сказал он. – Заканчивая, мы простимся с Сен-Жерменом. Последний его визит к графине д’Адемар состоялся 12 мая 1821 года. Через 35 лет после официальной смерти графа ушла от нас и графиня, с ней случился удар, отнялась речь. В этот самый момент слуга и внес букет. На роскошном букете красных роз была надпись на черной траурной ленте: «Графине д’Адемар от графа Сен-Жермена. *Удачного вам путешествия домой*».

Графиня д’Адемар «отправилась домой» в тот же вечер. Она умерла удачно, во сне.

До самого конца XVIII века имя графа периодически встречается среди участников крупных масонских конгрессов. Его имя можно увидеть в списке присутствовавших в Париже на Великом конгрессе 1785 года. Он числится среди членов Ложы Общественного Согласия святого Иоанна Экосского с 1775 по 1789 годы. Уже в XIX веке граф руководит канониками Святого Гроба Господня и благотворительными Рыцарями Святого Града... Очень интересна запись некоего Франца Гюснера. Он будто бы встретил графа... в 1843 году! И тот будто бы ему сказал: «Мне еще придется побыть здесь какое-то время... Но в самом конце вашего века я вернусь в Гималаи. Я должен отдохнуть там от человеческих мерзостей и крови. Но появлюсь здесь у вас через 88 лет». И действительно, осталось описание заседания Ложы Великого Востока в 1899 году. Заседание проходило в полночь в подвале лютеранской церкви. Стены были завешены красными и белыми холстами с традиционными масонскими знаками – циркуль, угольник и молоток. На возвышении стоял стол, за которым сидел председатель. Зал был полон, когда появился... граф Сен-Жермен! Все взгляды устремились на графа. На его груди был знак Ложы Великого Востока. Граф молча простоял у стены все заседание. Он покинул подвал только по окончании, на рассвете, обняв на прощанье каждого из присутствовавших членов ордена. Более графа никто никогда не видел. Ваша знаменитая Блаватская, как и мадам Елена Рерих, весьма почитала графа. Блаватская написала: «Как обошлись западные писатели с этим великим человеком, этим учеником индийских и египетских иерофантов и знатоком тайной мудрости Востока – позор для всего человечества!»

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.